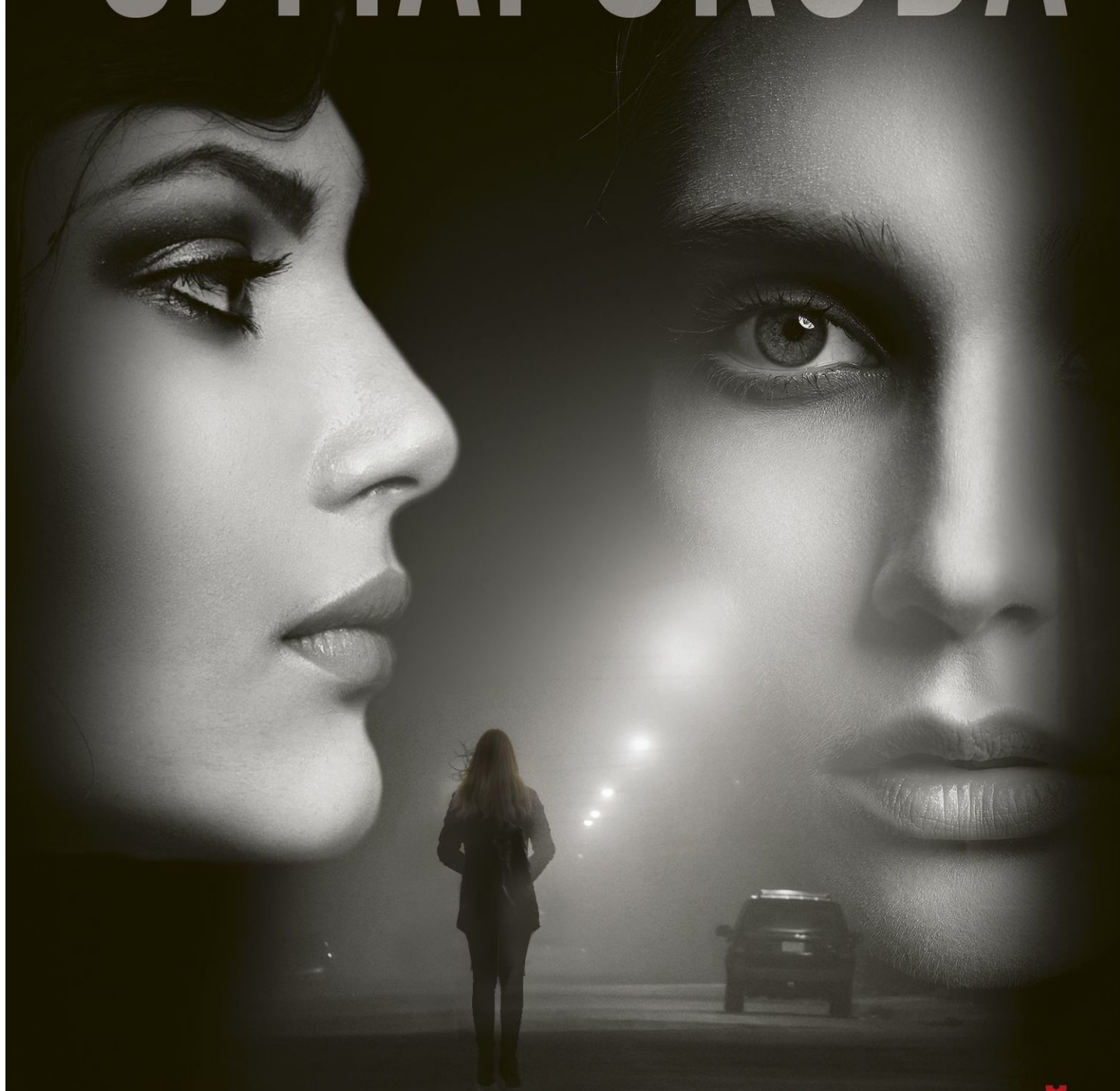

«Эта книга о мгновениях настоящего счастья, благодаря которым мир стал чуточку лучше».

Анна Берсенева, прозаик, сценарист

Дарья СУМАРОКОВА

КНИГА ГЛАВНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ

Городская проза

Дарья Сумарокова

Книга главных воспоминаний

«Издательство АСТ»

2019

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Сумарокова Д. В.

Книга главных воспоминаний / Д. В. Сумарокова —
«Издательство АСТ», 2019 — (Городская проза)

ISBN 978-5-17-112800-5

Три совершенно разные судьбы, прошедшие через Октябрьскую революцию, репрессии Сталина, Гражданскую войну в Испании, Великую Отечественную и закат коммунизма. Три женщины, столкнувшиеся на одно мгновение и изменившие жизни друг друга. Сквозь десятилетия отчетливо видно, как догматические принципы ломают человеческие души, а смелость быть собой преодолевает все преграды. Одна жизнь наполнена счастьем от рождения до самой смерти, другая – остается пустой, не смотря на высокий полет. Может, если выслушать эти истории, то приблизишься к самому себе?..

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-112800-5

© Сумарокова Д. В., 2019
© Издательство АСТ, 2019

Содержание

Пролог	6
Часть первая. Анастасия	8
Глава 1	10
Глава 2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Дарья Сумарокова

Книга главных воспоминаний

© Текст. Дарья Сумарокова, 2019

© Оформление. ООО «Издательство АСТ» 2019

* * *

She says she has no time for you now...
Анастасия Зорина, «Голос-2017»

Пролог

Холодный ветер – эта погода, ниспосланная на землю сатаной; что может быть хуже для живого человека, чем пронизывающие потоки, от которых не спрятаться? Морозная ночь, метель танцует темный танец по заледенелому берегу Ладожского озера; минус двенадцать, хоть и весна; март одна тысяча девятьсот сорок второго года. Человек двадцать сбилось в кучку около полуторки; машина едва жива, она такая же, как и люди, стоящие рядом. Все ждут, когда шофер и молоденький солдатик выгрузят мешки с мукой; сейчас бы наброситься, разорвать мешок, наестся этой муки прямо тут, да только нет сил. Нет сил пройти хотя бы несколько шагов, а ведь скоро придется забираться в кузов. Вдруг пассажирам повезет и машина доедет до того берега? Может быть, они все-таки останутся живы?

Несколько девушек, больше похожих на подростков; одна из них совсем ребенок, на безжизненном лице большие карие глаза. Она стоит чуть поодаль от остальных пассажиров, поверх ее изодранного зимнего пальто намотан яркий платок; блестящая зелень и темный вишневый причудливо переплелись в непривычном орнаменте. Такой платок не к месту теперь, он красивый и слишком тонкий; сейчас бы лучше серый пуховый из бабушкиного шкафа. Рядом двое пожилых мужчин, чуть дальше десяток мальчишек, одетых в солдатские бушлаты; рукава почти волочатся по земле. Последняя группа – высокая женщина и двое детей; шофер проносил мимо нее мешки и случайно толкнул краем ноши. Женщина удержалась, из-под старой мужской шапки выбилась прядь густых черных волос. Надо же – красивая, подумал водитель, и тут же пронеслась мысль: как странно думать об этом теперь, когда не знаешь, доживешь ли до утра; и вообще, когда закончится эта беспощадная война, никто не знает.

Ветер, ветер гуляет по безжизненному, промерзшему на сто лет вперед пространству.

Загружались медленно, солдатик ругался: светлеет же скоро, что копошимся?

Он стоял в кузове грузовика и затаскивал чуть живых пассажиров наверх; люди валились прямо на деревянные доски, потом подползали к бортикам и старались сесть друг к другу как можно теснее. Так безопаснее – ни крыши, ни боковых дверей в кабине шофера; если что, есть шанс выпрыгнуть, а также есть вероятность не замерзнуть окончательно по пути. Ветер проникает всюду и не жалеет измученных голодом людей.

Уже тронулись, последние в колонне; тут солдатик заметил одного из мальчишек – тот сидел за деревом в метре от берега; солдатик спрыгнул с машины – да только зря, ребенок умер. В дороге наверняка еще кто-нибудь помрет, так что нечего тратить время.

Ехали долго; колея размыта и снова прихвачена ночным морозом, тонкая наледь на поверхности громко трещит; через сто метров впереди такая же полуторка; ее еле видно, и слава богу – значит, пока еще едет. Солдатик периодически вглядывается в темноту ночного неба и прислушивается к любому постороннему звуку. На обочинах через каждый километр – пункт обогрева, кипяток и девушка в теплой военной шинели. Первые два часа водитель не останавливается, упорно едет вперед. Наконец, притормозили, чтобы сходить за горячим; сонная женщина разлила воду в железные кружки, а потом увидела кучу детей в кузове; она достала полбуханки хлеба и раздала каждому по маленькому кусочку.

– Не трать зря, Марья. Еще полпути.

Водитель отдал девушке кружку и полез в кабину. Машина завелась не сразу, солдатик выпрыгнул из машины с большим железным крюком в руках; наконец, они снова тронулись в путь. Еще через полчаса дороги умерла одна из девушек; она была самая худая и какая-то неестественно румяная. Машину тряхнуло, секундой позже девушка закашлялась, из горла пошла кровь, а еще через пять минут она затихла. Водитель наклонился к солдату и сказал шепотом:

– Туберкулезная. Выбрасывай тут, до берега не повезем.

Парень тут же перепрыгнул в кабину и на полном ходу сбросил тело на лед. Машина ехала дальше, не останавливаясь, никто из пассажиров не сказал ни единого слова. Наконец, небо чуть посветлело, впереди показался берег. Люди всматривались в горизонт с надеждой; одна из девушек расплакалась и стала обнимать подругу.

– Людочка, совсем немного осталось, совсем чуть-чуть.

С каждой минутой расстояние до земли становилось все меньше и меньше, и вот последние триста метров. Вдруг машина как будто наткнулась на что-то и резко остановилась, послышался гулкий басовитый треск, правый бок начал проваливаться под лед.

Водитель пытался сдать назад, но тщетно; он повернулся к людям, закричал что-то, потеряв еще полсекунды; а потом рванул из кабины.

– Принимай, Господи!

Часть первая. Анастасия

Я знаю, ты слышишь меня, Отец наш. Столько тысяч лет я чувствую каждую твою мысль, так же, как и ты мою. За все это время мы ни разу не обратились друг к другу; как это сказано у людей – глаза в глаза. Теперь настал тот самый день, я знаю наверняка. Послушай меня, Господь всемогущий, – Твои священные книги давно устарели, и этого уже никак не исправить.

Настало третье тысячелетие с того момента, как родился смелый человек; тот безумец, не испугавшийся смерти, Твой любимец. Ты не заметил, но за последние двести лет люди перевернули бытие до основания, они почти открыли основу, они смотрят вдаль и в глубину материи. Еще совсем немного – на свет появится кто-то равный предшественнику, он посмотрит на мир перпендикулярно, и все сложится в очевидную истину. Что скажешь им, когда станет ясна суть, и они познают Тебя, как Ты есть?

Я знаю, почему Ты отослал меня за пределы своих границ; я сеял в души людей сомнения, я дал возможность осознать, что на один и тот же вопрос может быть множество ответов, я заставил их говорить о непознанном. Что, если жизнь – не просто дар Божий, а что-то гораздо более важное, имеющее свой тайный смысл и происхождение?

Ты хотел, Отец мой, чтобы Твои книги правили вечно; но все напрасно, люди сомневались и думали много тысяч лет, Ты проиграл.

У нас с Тобой много имен. Все они совершенно безлики – что дьявол, что Иегова... и как нас ни назови, великие послания теперь совсем похожи на сказки; во Вселенной нет места длярая и ада, никто не видел в микроскоп следов твоей рукотворной работы. Ты не помнишь человеческих лиц, потому что теперь их слишком много; не заглядываешь в душу, чтобы понять желания и мечты, сомнения и ошибки, Ты меряешь человеческие поступки старой сантиметровой лентой, какие в ходу у любого шудея, много тысяч лет шьющего одежды на продажу. В Твоих песнях почти нет места женщине; даже та единственная не имела права ни на что, кроме материнства; материнство без физической любви – какая нелепая идея пришла Тебе на ум, Отец наш?

Твое затянувшееся молчание всему виной.

Жди, скоро они придут к Тебе; найдут, как управлять Великим Полем, и мы исчезнем, потому что мы и есть часть сути бытия. Когда-то Ты управлял их сознанием под столькими обличьями, десятки веков подряд. Друг мой, тебя интересовал исключительно список дел – что люди совершили и где оступились; об истинных причинах человеческих поступков Ты не думал никогда.

Теперь они на перепутье, ведь самая темная ночь перед рассветом. Они создали новую религию, Ты все пропустил. Великая сказка почти исчезла, остались только заповеди, и больше ничего. Воля Божья – удел ленивых и слабых; но новая догма, созданная человечеством, почти так же уродлива, как кара небесная, что придумана Тобой вместо лошадиной сбруи. От всех людских заблуждений теперь остался только страх смерти, то единственное, что пока невозможно постичь; оттого они живут здесь и сейчас, ценя удовольствие, успех и земные богатства превыше всего. И только перед уходом каждый пытается забрать с собой ту часть земной жизни, что была для него действительно важной и делала человека по-настоящему счастливым. Я скажу Тебе: сатана не видел ничего прекраснее последних воспоминаний уходящего человека. Кто-то живет весь свой срок, как диктует норма или престиж, и даже не приблизится до себя настоящего, а кто-то знает свои мечты, но боится решиться на собственную жизнь. Перед уходом все видят настоящие моменты счастья, пусть всего один час или несколько лет, одно мгновение, время не важно. Именно это люди стремятся унести с собой в неизвестность.

Да, я чуть не забыл – еще на земле живут те немногие, кто существует в согласии с собой; всю жизнь они растят свое шестое чувство и прислушиваются к движению основы бытия. Их последние воспоминания необъятны, они перелистывают всю свою жизнь от начала до конца в мельчайших деталях.

Вот что скажу Тебе: в мире смертных стало меньше лжи, но не прибавилось больше смысла, и потому я буду писать Новую Книгу. В ней не будет места великим подвигам и бессмысленной смерти ради лживых идей, не будет чудес, каких на самом деле не случается. Там будет пространство и мужчинам, и женщинам. Я буду записывать последние воспоминания человечества, потому что только это имеет значение. Миллионы едва заметных, самых важных для каждого человека событий – есть суть всего. Только это дополнит иссякшее Поле, подпитает его новыми силами и вернется обратно к людям.

Теперь, я буду говорить. Эти жизни прошли мимо тебя, а кто-то из моих героев все еще смотрит в небо по утрам. Не отвечай, я знаю – Ты меня слышишь, разделить единое невозможно. Я хочу, чтобы Ты перелистал эти истории; во множестве событий жизни этих женщин есть что-то, что имеет настоящую ценность. Пусть даже они сами не всегда понимали это, но есть воспоминания, которые уйдут вместе с ними в вечность. Это и есть новая Библия, пусть эта книга будет для всех и для каждого в отдельности. Я хочу, чтобы Ты нашел суть каждой маленькой жизни; я хочу, чтобы Ты наконец понял, счастье человека – и есть смысл бытия. Всего лишь три обычные женщины; послушай и ответь мне, что было самым важным на их жизненном пути. Начни Новую Книгу вместе со мной, пусть это будет первая страница.

Глава 1

В одна тысяча девятьсот восьмом году от Рождества Христова в большом северном городе Санкт-Петербурге родилась девочка Анастасия. Событие произошло в семье зажиточного домовладельца Сергея Тимофеевича Свешникова. Господин Свешников слыл человеком хватким и коммерческим, хоть и без родословной. К тридцати годам он приобрел доходный дом на Петроградской стороне, а также довольно приличную квартиру в весьма престижном месте, с тремя спальнями и большой гостиной, и через год женился на кареглазой девушке Марии. Неожиданно для престарелой маменьки он привез невесту из Бессарабии, куда ездил по делам. Черноволосая красавица родила девочку, похожую на мать, как две капли воды; через пару лет родился мертворожденный мальчик, и больше детей не появилось, к большому сожалению господина Свешникова. Молодая жена обладала веселым нравом и легкостью характера, но еще до появления на свет мертворожденного жаловалась на трудности дыхания и всегда выглядела очень бледной. Доктор отверг самые страшные предположения о чахотке, но установил не менее неприятный диагноз: хроническая пневмония. Все это от перемены климата, надо бы вывезти на воды; так он сказал на прощание, надевая дорогую барашковую шапку.

Анастасия, единственная и обожаемая; отец ни в чем ей не отказывал и выполнял любые желания – самые красивые наряды, самые яркие шляпки и лаковые туфельки, как у взрослой барышни, фарфоровые куклы из французского магазина. Девочка росла очень бойкой и музыкальной; к пяти годам в дом пригласили учителя танцев и купили фортепиано, с тех пор веселью не было конца. Инструмент не замолкал по нескольку часов – после обеда детские этюды Черни, к вечеру аккомпанемент веселой мазурки. Жена Сергея Тимофеевича, из-за неимения подруг или каких-либо других отдельных от семьи занятий, принимала в уроках искреннее участие. Каждый вечер за ужином она восхищалась талантами дочери и предсказывала ей будущее великой танцовщицы. Время от времени Мария сама учила дочь народным танцам своей родины, да только на долгий урок ее не хватало – после нескольких па Мария садилась в кресло и шумно вздыхала.

В дом часто приходили гости, в основном друзья главы семьи; кто с женами, кто по-холостячки. Настю наряжали в красное бессарабское платье, сшитое на заказ по рисунку матери, и громкими овациями приглашали выступить. Девочка танцевала так легко и изящно, как будто летала; озорные крылья всех цветов радуги взмахивали в такт веселой музыке. Весь мир кружился вокруг нее золотым потоком, а потом склонялся в восхищении к прекрасным маленьким туфелькам, словно каменный лев со Стрелки Васильевского острова. Так она росла в полном благополучии; пусть единственная, но совершенно здоровая, красивая и невероятно живая.

Годы шли, Мария болела; особенно изматывали тяжелые зимние месяцы. Влажная холодность просачивалась с улиц и забирала последние силы; трехнедельные периоды лихорадки сменялись относительным благополучием на месяц-полтора, а потом все начиналось заново. Однако, даже в самые тяжкие минуты она не теряла силы духа; как только Настя открывала дверь в комнату маменьки, ее тут же встречала жизнерадостная улыбка. В тысяча девятьсот шестнадцатом году Сергей Тимофеевич купил дачу в деревне Парголово и решил поселить там семью с мая по сентябрь, в надежде на благоприятный сельский воздух. Действительно, Мария ожила и даже начала совершать пешие прогулки по селу. Утреннее солнце, легкий ветерок; Настя бегала вокруг матери, напевая какой-то смешной мотив. Мама шла медленно, периодически останавливалась передохнуть; иногда присаживалась прямо на траву у обочины. Вокруг бедные крестьянские дома; через дорогу – дачные особняки городских жителей; чистое небо и деревенское солнце, оно намного теплее петербургского. Мария чувствовала, как ее ослабленное тело наполняется силами и желанием жить; она сидела неподвижно на зеленом травяном

ковре и думала о дочери. Девочка прыгала рядом и что-то громко рассказывала, а потом теряла терпение и начинала дергать мать за рукав; надо вставать, идти обратно к обеду.

Настя полюбила Парголово. В любую минуту можно отворить дверь и выскочить во двор, а там и за ворота – позади дороги лес, озеро и поле с одуванчиками. Другие дети из дачных домов выходили только с гувернанткой; чуть на горизонте ватага крестьянских детишек – прилично одетая девушка хватала своих подопечных и тащила обратно в дом. Со Свешниковыми жила только кухарка, на ней висело все хозяйство; Мария выходила за двор не чаще одного раза в день, а отец приезжал только по выходным; Настя быстро нашла друзей и бегала по деревне, как крестьянский ребенок. Она ловила карасей на мелководе; собирала грибы после дождя, играла в городки. В конце дня засыпала быстро, видела шумные цветные сны; и так каждый день, только иногда мимоходом вспоминала свои платья для танцев и звуки фортепиано в большой гостиной. Больше всего она любила, когда к отцу приходили гости.

По возвращении домой расписание изменилось – учитель танцев стал приходить всего два раза в неделю, зато каждый день рано утром приезжала новая гувернантка; она начинала грамоту, арифметику и чтение, рассказывала про древние времена и битву с татарами, читала вслух детскую Библию и даже учила основам французского. Прошел год; в мире что-то поменялось, стало смутно и печально, приятели отца уже не вызывали ее овациями на танец; они сидели в гостиной мрачные, говорили о чем-то очень серьезном. Отдельные, очень злые слова долетали до детских ушей – революция, временное правительство, большевики, и много чего еще, совершенно непонятного. Из дома теперь выходили совсем мало и только по крайней нужде; в мае тысяча девятьсот семнадцатого года отец снова отвез семью в Парголово. В Петроград они вернулись только через полтора года; за это время город сменил внешность, стал мрачным и грязным. Вокруг было много печальных лиц, даже папа за ужином казался сердитым и отстраненным; Мария, не переставая, кашляла, на высоте приступа лицо ее покрывалось синюшными пятнами, и со стороны казалось, она вот-вот перестанет дышать.

Теперь из-за болезни матери Настя боялась заходить в ее комнату. Вечером кухарка посылала девочку поцеловать Марию на ночь; в пропахшей микстурами спальне жил уродливый гном, он прятался за большим комодом и хотел превратить Настю в настойку против кашля. Слякки стояли в ряд на прикроватном столике и наперебой шептали что-то ужасное, что именно, разобрать было трудно; их было не меньше десятка. А если пройти мимо и не дай бог задеть одну – стекло звонко разбивалось об пол, кухарка бежала с веником и гнала девочку прочь. Ночью снилось, как страшный гном превратил в пахучие микстуры всех парголовских друзей – двух дочек молочницы из дома на холме, сына местного доктора, трех детей бедного крестьянина Матвея и даже сына местного кузнеца, самого бойкого и быстрого мальчика в деревне.

Мама умерла в двадцать первом году; в те самые дни, когда в городе несколько дней грохотали выстрелы, люди бегали по улицам и кричали. В последние секунды жизни Мария видела жаркие просторы родной Бессарабии, широкий Днестр и бескрайние Карпаты; легкокрылой птицей пролетела она над крышей родного дома, и через мгновение ее сердце остановилось навсегда. Настя лежала в постели и слушала, как плачут домочадцы; на душе было грустно, и в то же время свободно – страшный гном ушел и забрал свои падающие слякки. Еще через месяц умерла престарелая мать Сергея Тимофеевича, ей было почти семьдесят пять. После двойных похорон отец стал еще больше отсутствовать дома; уже много месяцев, как он не покупал дочери фарфоровых кукол, но на зиму купил ей енотовую шубу и дорогие кожаные сапожки, и даже принес новое платье для танцев в красивой картонной коробке. Учитель музыки больше не приходил, потому Настины занятия продолжились с гувернанткой Софьей. Теперь Софья Игнатьевна жила в их квартире; ровно через две недели после смерти жены Сергей Тимофеевич предложил ей оплату за целый день; к тому времени в городе не осталось

почти никакой работы, поэтому женщина очень обрадовалась. Семьи у старой девы не было, да и вещей оказалось совсем немного.

Весна принесла радость – отец отправил в Парголово всех домочадцев, включая дочь, кухарку и Софью; они ехали в сопровождении странного сердитого человека, которому было заплачено целых три рубля вперед. Каким-то непостижимым образом их квартира и дом пока еще принадлежали отцу. В деревне жизнь снова превратилась в разноцветную радугу, темно-серая мрачная палитра сменилась зеленью леса и запахом грибов. Деревенские друзья стали другими, время прошло; мальчишки теперь ее сторонились, девочки носили длинные сарафаны и шептались друг другу на ушко что-то важное; все они теперь мало выходили на дорогу и почти весь день помогали родителям по хозяйству; кто-то уже работал наравне со взрослыми и только по воскресеньям имел время посидеть у озера.

Настя не сразу осознала произошедшие перемены. Первое время она ходила от двора ко двору в надежде вытащить старых друзей из дому; никто не прогонял, но от трудов своих не отвлекался. Ближе всех стоял дом кузнеца, сына его, Николу, Настя не видела со времени прошлого приезда; в одно утро она собрала в крынку оставшееся от завтрака парное молоко и пошла к широким воротам. С первого взгляда не узнала – в памяти сохранился тонкий светловолосый мальчик, а теперь перед ней стоял высокий широкоплечий юноша. Крестьянские дети с малолетства работали наравне с родителями, оттого рано выросли и физически, и морально; четырнадцатилетний подросток выглядел на все шестнадцать-семнадцать. Никола был очень красивый; выгоревшие добела кудрявые волосы, прямой взгляд и открытая улыбка. Он выпил молоко и протянул обратно крынку.

– Настасья Сергеевна, что ж? Танцевать-то будем этот год? Вы теперь прям совсем красивая стали, не узнать.

У Насти перехватило дух; голос низкий, почти как у отца, глаза серые, пушистые ресницы, крепкие натруженные руки. Парень колот дрова и сосредоточенно хмурился; и от этого поперек его бровей появлялась белая полоска незагорелой кожи. Целый час Настя просидела на толстом бревне, наблюдая за тем, как из-под тяжелого топора разлетаются в разные стороны тонкие поленья. Вышел во двор кузнец, стал Настю спрашивать про город и про людей, называвших себя большевиками. Настя плохо понимала суть вопроса; как могла, она пересказала разговоры отцовских друзей в гостиной на Петроградской. Кузнец недовольно качал головой. Никола смеялся; весело поглядывал то на отца, то на Настю, но работу не прекращал.

– Батя, вопросы ваши совсем не дамские, вы лучше про танцы да про наряды расспросите.

Кузнец потряс кулаком и ушел обратно в кузницу.

Вечером Софья отругала Настю за самовольную отлучку и запретила ходить на кузнецкий двор; вдруг окалина прилетит прямо в глаз, спрос потом с кого будет? Да только утром Настя собрала свои старые платья, что лежали в сундуке с прошлых лет, и понесла жене кузнеца. В семье восемь детей, и все живы, а последние как раз три дочери; пригодится и барское, времена теперь настали совсем трудные. Жена кузнеца обрадовалась и налила Насте яблочного компота; к десяти утра Никола закончил дела в кузнице и подрядился отвести лошадь крестьянина Матвея к его дому. Кобылу вывели к воротам. Мальчишка подхватил Настю за талию и помог забраться, сам легко запрыгнул и сел позади, потом тихонько толкнул лошадь голыми пятками и крепко взялся за удила.

Лошадь медленно плелась по пыльной дороге; в секунду жизнь вокруг замерла, осталось только жаркое мальчишеское дыхание на девичьей шее. Крепкое мужское тело, так близко. Сердце билось, и мысли разбегались. На обратном пути свернули в пролесок; Никола нарвал больших синих колокольчиков и ловко перевязал букет тонкой березовой веткой. В первую секунду Настя смутилась, приняв подарок; но через секунду в бесстрашном порыве встала на цыпочки и поцеловала кавалера в щеку. Никола крепко схватил Настю за руку.

- Смелая вы барышня, Настасья Сергеевна. Самая красивая из городских, ей богу.
- Это ты самый красивый, Никола.

Вечером дома Анастасию снова отругали, узнав про платья; а потом и про выезд с сыном кузнеца на глазах у всей деревни. Софья сильно переживала, сложив наконец все знаки в одно уравнение; да разве удержать дома? С самого утра начнет кричать, руками размахивать как в театре, а потом сядет рядом и расплачется навзрыд; несносное дитя. Одна надежда, хозяин придет через пару недель; рассказать все как можно красочней, и дай Бог, заберет обратно в город.

В воскресенье компания мальчишек собралась на озеро за лещом. Полчаса до рассвета; Настя не сомкнула глаз всю ночь, открыла настежь ставни и легла под покрывало прямо в платье; наконец, раздался тихий свист за воротами. Домашние спали, она выскочила в окно и проскользнула под воротами на дорогу. Никола был один, остальные уже пять минут как на озере; берег в тумане, лодок не видать. Они отвязали маленький плот, заплыли в камышовую заводь и поставили удочки. Сидели тихо, почти не говоря; Настя отломилла большой кусок вчерашнего хлеба, хотела было откусить, да тут же положила обратно в судок. Рыба шла хорошо, за полчаса три большие; Никола складывал улов в плетеную корзину.

– Вам, Настасья Сергеевна, дам половину. Коли не вернемся до завтрака, будет чем виниться перед нянькой.

- Все равно отцу расскажет, грозились уже.
- Так пойдем сейчас. До дому доведу, потом вернусь. Наловить еще успею.
- Нет, не пойду. Пусть ябедничает.
- Все равно доведу, рыбу ж донести надо.
- Тебе достанется от отца, Никола.
- Нам не привыкать.

Тихо, плеск воды, почти шепотный; Никола сел поближе, взял за руку и заглянул в глаза; смуглое плечо выглянуло из широкого ворота крестьянской рубахи. Полминуты на ожидание; вдруг оттолкнет? Влажные мальчишеские губы на шее, по щеке, а потом на губах; осторожно и волнительно; голова закружилась, руки сами собой обхватили загорелую шею; туман, ничего вокруг нет, кроме едва различимого звука стоячей воды да сбивающееся Николино дыхание. Сильное мальчишеское тело все ближе, не дышать и не пошевелиться; только бы это длилось вечно! Вдруг послышались голоса, где-то совсем недалеко, и снова тишина; а потом потянуло, удочка плюхнулась в воду. Никола нырнул, с размаху чуть ли не головой в самое дно; мелко-водье! Встал по грудь в воде; широкая улыбка, в руках рыбина шире плеч. За час с небольшим наловили много, еще больше упустили; сидели рядышком и смотрели друг на друга, ничего не говоря.

Потом шли по пролеску, взявшись за руки. Приблизились к деревне; Никола сжал девичью ладошку еще сильнее и расправил плечи.

- Нянька наверняка не спит, из ваших окон далеко все видать. Иди смелее, Настя.

Перед воротами остановились; Софья тут же выскочила навстречу, в домашнем платье, закутанная в широкую шаль. Никола протянул ей четыре большие рыбины.

– Вот, Софья Игнатьевна, вам свежий улов и Настасья Сергеевна, в целости и сохранности.

Софья находилась в состоянии полного ужаса и не могла адекватно реагировать на происходящее. Она безропотно приняла улов из рук мальчишки; голос ее срывался почти до шепота.

- Анастасия, извольте вернуться в дом и принять утренний туалет. Завтрак уже на столе.

Никола попрощался с дамами и зашагал по пыльной деревенской дороге прочь. Все утро гувернантка с кухаркой чистили огромных лещей; Настя бродила по кухне, не узнавая предметы и домочадцев, не завтракала и не полдничала, все валилось из рук; пыталась читать, но не понимала ни строчки. Она вспоминала восхищенный мальчишеский взгляд и жаркое, чистое

дыхание. В маленьком палисаднике поставила мольберт, хотела нарисовать большое косматое дерево, растущее у самого забора, да так и просидела на кушетке до вечера, не шевелясь; а к шести часам и вовсе заснула. Две старые девы припали к кухонному окну.

– Ох, скорее бы Сергей Тимофеевич прибыл. Без работы останемся за недогляд, вот что. Это в теперешнюю-то смуту!

На рассвете Никола запрыгнул в чуть приоткрытое окно; ни шума ворот, ни движения ставен. Дети, оттого мир вокруг так прекрасен и нов; все казалось волшебством – длинная девичья шея, густые черные кудри. Карие глаза! Огромные, как у гнедой с соседнего двора; все беззащитное и чистое, такое хрупкое, что и дотронуться страшно. Он посадил Настю на колени и целовал ее руки, плечи, лицо; пока еще есть время, пока не рассвело.

– Никола, давай убежим завтра в город, вместе. Я дорогу знаю, и денег немного есть, я всегда с собой беру потайной кошелечек. Доедем, вот увидишь.

– Так не годится, Настасья Сергевна. Если судьба, значит надо к отцу вашему идти, а потом решать, на что жить и что делать в городе сыну кузнецкому. От семьи вашей денег не приму.

– Отец через два дня будет, Никола. Я уверена, он благословит. Все, что имеет, сам заработал; тоже не дворянских кровей. Значит, и тебя примет.

– Что ж, попытаться не грех. Будь что будет, приду к пятнице.

Он поцеловал детскую ладошку, а потом посмотрел прямо в глаза; в прямом взгляде ни страха, ни сомнений, ни обид. Уже светало; Никола спрыгнул на влажную траву и через сад побежал к озеру. Может, что еще поймает, так будет чем оправдаться; матушка наверняка уже на ногах.

Через день прибыл Сергей Тимофеевич. Испуганные до смерти женщины первым делом выдали девичий секрет; отец долго смеялся, а потом позвал дочь из комнаты. Усадил Настю рядом и взял за руку.

– Что ж, Настасья, никак влюблена?

– Папенька, не сердитесь, дайте благословение, потому что все равно нам без друг друга не жить. Не дадите, все равно убегу вместе с ним.

Отец гладил ее по руке и улыбнулся.

– Так если замуж пойдешь за незрелого мальчишку, что ж это будет? Кто же, доченька, станет платья танцевальные покупать, а еще мольберты для акварелей? А я-то, дурень старый, ехать на моря задумал. Что думаешь, Настасья Сергеевна, хорошо ли будет нам с тобой на морях? Лету скоро конец, снова холода и ветры, ледяные ветры... Смутное время настало, доченька.

В ответ упрямая девчонка тут же разрыдалась, потом вскочила, стукнула кулаком по столу и убежала в свою спальню. Как только стемнело, Настя вылезла в окно своей спальни и побежала со всех ног к дому кузнеца. Никола с братом спали на сеновале; подойти и позвать тихонько, никто в доме не проснется, рядом только корова и две лошади. Настя остановилась перед широкой щелью в высокой деревянной ограде, с опаской заглянула во двор. Пахло скотиной; около сарая гора нарубленных поленьев и старая, непригодная для работы прялка; дом низенький, половина уже проконопачена к зиме, а вторая пока нет. До холодов у Николы еще много работы.

Вдруг звук. О Господи! Жена кузнеца в простой ночной рубахе вышла во двор и стала качать на руках младшую дочку, тихонько напевая колыбельную. Звуки понеслись над темной, тихие и прекрасные; Настя прислонилась к колючим доскам и снова заплакала. Ей вспомнилась мать, в темно-вишневом шелковом халате, она медленно расчесывает волосы и поет что-то очень тягучее, на непонятном языке. На изящном дамском столике догорает свеча, воск медленно стекает по серебряным изгибам; смутные тени мельтешат по стене, словно волшебные существа из фантастических детских снов.

Настя вернулась домой, так и не решившись на отчаянный поступок. В ту ночь она долго не могла заснуть; то плакала с детским отчаянием, то застывала в забытии, а потом слезы снова катились сами собой. Картинки сменяли одна другую; вот светлые мальчишеские кудри едва коснулись ее шеи, а потом Никола склонился и целовал ладони, долго и медленно. Потом при-
снилась гостиная на Петроградской стороне. Шумно и весело, Настя кружится в танце под веселые звуки, гости аплодируют в такт; на ней красное платье с широким черным поясом и рукавами из французского кружева; шелк струится, скользит потоком вслед за движением тела, добавляя в стремительные пируэты красоты и невесомости.

Наутро Софья взялась читать с ней «Войну и мир», а потом решила постричь сильно отросшие волосы; после набрала ванную, а там уже и обед. На улицу в тот день выйти не пришлось; отец велел гостей не пускать, а вечером решил играть в нарды. Еще одна ночь; все детские вещи, а также небольшие пожитки кухарки и Софьи были собраны; дом закрыт, двери заколочены. Напоследок отец прогулялся до хаты крестьянина Ефимова и попросил присмотреть за дачей, взамен разрешил собрать по осени урожай в саду. Домочадцам господина Свешникова так и не пришлось дожидаться яблок с крыжовником. В сентябре должен был прибыть новый хозяин; дом продали впопыхах за небольшие деньги. Отец в последний раз обошел вокруг ограды, постоял пару секунд напротив ворот и вернулся в экипаж.

– Опасное время пришло, доченька. Поедем-ка мы с тобой подальше, в теплые края, как матушка твоя всегда хотела.

Извозчик тронулся; экипаж медленно передвигался по разбитой сельской дороге. За поворотом дом кузнеца, Настя спряталась в темноту кареты и жадно смотрела через забор; да только никого, сенокос нынче; нечего в доме расслаживаться. Еще поворот, широкое поле; Никола стоял посреди солнечной бесконечности, голый по пояс, в потрепанных штанах из грубой коричневой ткани; он провожал взглядом экипаж, пока тот не превратился в далекую точку на горизонте.

Глава 2

Ты слышишь мой рассказ, Отец всего сущего? Ты слушаешь его, хотя заглядывать в душу человеческую и любоваться несовершенством противоречивых чувств Ты не привык. Детей Твоих слишком много, еще больше убито во имя твое, имен Твоих не пересчитать.

Жизнь человеческая прекрасна и ужасающа, конец неумолим; но вершина жестокости – гибель случайная, нелогичная, возникшая просто из череды мелких и ничего не значащих обстоятельств, и главное, не зависящая от самого человека. Разум не в силах признать такое, не силах осмыслить... на все воля Божья? Это триста, двести, может, сто лет назад.

Теперь они знают, Тебе нет дела до каждого из них.

Семья Свешниковых вернулась в город под вечер; дорога вышла тяжелой, Настю расшатало и сильно тошнило, так что приходилось часто останавливаться и выводить ребенка из экипажа. Дома первым делом попытались накормить; девочка наотрез отказалась, сказавшись на боли в животе. Выпила стакан воды и тут же принялась разбирать свой огромный шкаф. Больше всего ей хотелось самостоятельно собраться в дорогу и уложить свои прекрасные наряды без чьей либо помощи. К ночи она совсем устала и заснула прямо в одежде; Софья не решилась тревожить и осторожно потушила керосиновую лампу на прикроватном столике. Утром решили разбудить попозже, но Настя вышла к завтраку сама; лицо ее было бледным и даже показалось, она плакала. Никто не обратил внимания на детское несчастье; не те времена, как говорится. Отец, Софья и кухарка ходили по дому мрачные, напряженные; на улицу девочку не выпускали.

Потратив на сборы вещей два дня, Анастасия открыла дверь в комнату матери. Беда приносит раннее взросление в детскую душу; Настя распахнула материнский гардероб и стала раскладывать одежду на две половины – одну заберет с собой, вторую – на продажу. Вторую половину она отдала кухарке; Софья мало что понимала в ценах и магазинах, а вот кухарка – совсем другое дело. Мысли о путешествии сопровождали Настю целый день, вечером она падала от возбужденной усталости и засыпала почти мгновенно. Ей снова снились путаные сны; перед глазами огромное озеро, в несколько раз больше Парголового, вокруг пальмы, как из книги про Африку; потом она видела Николу, он стоял в большой белой лодке с удочкой в руках. Лодка далеко от берега; он увидел Настю и помахал ей рукой.

Утром девочка жаловалась на сильную головную боль; Софья выдала ей каких-то пахучих капель, потом помогла одеться, убрала детскую постель и вернулась в столовую. Кухарка и Софья не заметили, как после завтрака Настасья потихоньку прокралась в комнату матери; она залезла в пустой шкаф и наконец смогла дать волю слезам.

Отъезд в новые страны намечался через несколько дней, Настя поняла это из разговора слуг; обе женщины решили ехать с ними. Чем больше вещей было разложено по чемоданам и дорожным сумкам, тем больше женские сердца наполнялись надеждой – скоро настанет новая жизнь; как же им повезло иметь рядом такого оборотистого и умного мужчину.

Вечером двадцатого июля одна тысяча девятьсот двадцать второго года Сергей Тимофеевич не вернулся домой. Три дня прошло в страшном ожидании. Настя посылала няньку в дома отцовских приятелей, адреса которых были известны; но ничего – то хозяева давно покинули свои жилища, то просто ничего не знали о местонахождении господина Свешникова. Насте было четырнадцать лет; жизнь остановилась. В доме оставалось немного денег на пропитание; не больше чем на месяц. В страхе женщины перерыли всю квартиру с надеждой найти хоть какие-то доказательства их отъезда; но ничего... ни билетов на поезд, ни брони на пароход. Никаких бумаг, хоть как-то свидетельствующих об их скорой эмиграции. Софья Игнатьевна целый час обыскивала рабочий стол Сергея Тимофеевича, и ничего не найдя, в сердцах столк-

нула на пол большой старинный подсвечник. Громкий предмет тут же закатился под кровать; Софья хотела было поднять, но вместо этого села в кресло и расплакалась.

Отцовские костюмы так и висели несобранными в его гардеробе.

Прошло две недели. Кухарка не открывала тяжелые шторы ни днем, ни ночью; дамы выходили только по одной и только до ближайшей продовольственной лавки. В воздухе висело отчаяние и предвкушение страшной беды, которая вот-вот случится с двумя одинокими женщинами и маленькой беззащитной девочкой. Мрачными вечерами Софья укладывала свою подопечную спать и шла на кухню; она доставала бутылку коньяка из хозяйских запасов, в полной тишине наливала по рюмке себе и кухарке.

Через пару дней поздним вечером в квартиру позвонили. На пороге стоял отцовский приятель из Москвы, Осипов Вячеслав Николаевич. Настя тут же вспомнила его громкий смех и неизменный бокал шампанского в руке. Он был моложе всех отцовских друзей; единственный составлял матери компанию в любом танце и даже как-то один раз сплясал вместе с Настей мазурку. Теперь он был одет в серую военную форму, в лице пропала молодость и легкость; Осипов без разрешения вошел в квартиру и сел за стол в гостиной комнате.

– Добрый день, Анастасия Сергеевна. К сожалению, я с плохими вестями.

Мужчина рассказал, что отец пал жертвой нападения уличных грабителей недалеко от Апраксиных ворот; преступники скрылись. По совершенной случайности Вячеслав Николаевич был в Петрограде и смог опознать тело. К сожалению, в связи с беспокойной обстановкой похороны состоялись без оповещения родственников; да и оповещать было некого, кроме малолетней дочери, матушка и жена господина Свешникова давно скончались.

По окончании рассказа товарищ Осипов любезно предложил свою помощь трем одиноким женщинам. В связи со служебной необходимостью он переведен из Москвы и теперь будет работать в Петрограде и, если это уместно, может пожить в их квартире до того, как все домохозяева решат свою судьбу в новых обстоятельствах.

Молчание – знак согласия; он встал из кресла и подошел к окну; окрикнул двух красноармейцев, дежуривших около парадной. Они занесли дорожную сумку, а также большой пакет с продовольствием – печенье, чай, сливочное масло, большую палку краковской колбасы и головку голландского сыра. Увидев столько еды, кухарка тут же забыла про горе и не скрывала радость: такое быстрое решение всех упавших на их хрупкие плечи проблем; что до гувернантки Софьи – та стояла поодаль от стола и напряженно разглядывала вещи незваного гостя.

Осипов занял комнату отца; вел себя деликатно и хозяйских вещей не трогал. Первую неделю Настя не выходила даже в гостиную. Взрослые ее не беспокоили, Софья носила еду и большой таз для купания прямо в детскую комнату. Девочка впала в странное состояние – все вокруг мерещилось ей ненастоящим, день перепутался с ночью, будто она видит сон, тревожный и неприятный, но вот-вот утро, и все будет по-старому. Шло время, настенные часы били бой, и ничего не менялось. Как же так могло произойти? Разве можно было бросить ее, ведь она еще совсем ребенок! Но в комнатах матери и отца целый день было пусто; под вечер приходил Вячеслав Николаевич, осторожно стучался в дверь ее спальни и справлялся о здоровье. Настя никак не могла взять в толк, о чем он спрашивает? Разве может случиться что-то еще после всего, что уже приключилось?!

Как-то ночью Анастасия проснулась и вышла в коридор; полтретьего на часах, Софья с кухаркой сидели за кухонным столом. Женщины снова разлили по рюмочке коньяка из старых отцовских запасов. Сидели без лампы, шепотом разговаривали об отце и квартире, в которой они живут. Неизвестно, надолго ли? Еще тише – о товарище Осипове. Настя хотела зайти и попросить молока; но услышав обрывки фраз, передумала и вернулась обратно в комнату.

Вячеслав Николаевич работал в рабоче-крестьянской милиции на какой-то высокопоставленной должности; единственный из друзей Сергея Тимофеевича, кто смог быстро и удачно приспособиться к новой власти. Домой возвращался поздно, каждый день приносил

большие пакеты с едой, да такой едой, что теперь и не бывала на полках продовольственных лавок. Через три недели от начала своего проживания в квартире на Петроградской он принес хорошие отрезы тканей и даже большой кусок теплого драпа. Софья села за швейную машинку; в итоге женский гардероб обогатился парой новых пальто и несколькими платьями.

Смутное время ломало судьбы людей. За последние два года в жизни Насти произошли большие перемены, и они не собирались заканчиваться. Вместе с новым жильцом пришел новый распорядок жизни. Прошло три месяца; он устроил кухарку в столовую при управлении милиции, а по прошествии еще нескольких недель она вовсе съехала из квартиры. Софья теперь выполняла все домашние дела, включая кухню и уборку; к тому же, по рекомендации товарища Осипова, она стала работать учителем в соседней школе. Настю определили туда же, в последние классы. Несмотря на вполне хорошее домашнее образование, Вячеслав Николаевич настоял на своем – теперь всем без исключения необходим аттестат школьного образования. Софья и Настя не задавали друг другу лишних вопросов и не протестовали против воли Осипова, как будто понимали без объяснений – вопросы ничего не исправят и даже могут привести к чему-то неприятному и, может быть, даже опасному. Вячеслав Николаевич взял на себя все глобальные расходы их необычной семьи, состоящей теперь из сорокалетней старой девы и девочки-подростка. Он также оплачивал расходы на квартиру, отчего вполне нетрудно было сделать вывод – скорее всего, престижное жилье каким-то образом уже имело отношение к товарищу Осипову.

Зимой двадцать второго года Настя вернулась из школы в каком-то особенно грустном настроении. Впервые за несколько месяцев она заглянула в отцовскую комнату, где с удивлением не обнаружила ни одной отцовской вещи. В большом платяном шкафу висели несколько военных форм, на столе громоздилась куча папок из противного серого картона да стопка счетов за отопление. Впоследствии она снова старалась не заходить в спальню отца, пока не произошло событие, уже предначертанное, но совершенно непредсказуемое.

Весной жить стало веселее; Осипов сообщил о намерении праздновать свой день рождения и пригласил нескольких товарищей по работе. Впервые за много лет в доме появились гости. На столе в гостиной стояли разные угощения, приготовленные Софьей. Собралась компания из четырех мужчин, все громко смеялись и много выпивали; тяжелая завеса табачного дыма висела в воздухе. Вячеслав Николаевич был очень доволен, под конец застолья он усадил Софью за инструмент. Звуки веселой мазурки, как давно не звучали они в доме Свешниковых! Осипов крепко обхватил Настю за талию и пустился в пляс. Праздновали допоздна; Анастасия много танцевала и даже выпила вместе с гостями полбокала крепленого вина. Впервые за много лет она почувствовала радостное возбуждение; звуки фортепиано напомнили ей о счастливом детстве, о папиных гостях и учителе танцев, о матери. Перед сном она ясно вспомнила, как мать рисовала эскиз бессарабского платья, тщательно выписывая края рукавов и яркий кружевной подол.

– Посмотри, Настенька, какое красивое платье. Там, откуда я родом, такие платья бывают только у настоящих принцесс.

– Мамочка, отправь рисунок портному, на Васильевский. Я хочу такое к новому году, прошу тебя!

Мария громко засмеялась; через секунду смех прервался затяжным приступом сильнейшего кашля. Видение растворилось в тревожной дреме; Настя заснула, ей снились отец и мать, они улыбались и были очень счастливы.

На той же неделе Вячеслав Николаевич отвел Настю в кружок танцев. Новый танцевальный коллектив только что открылся в школе, расположенной чуть дальше от их дома. Теперь три раза в неделю Анастасия самостоятельно садилась на трамвай и ехала репетировать. Счастью не было предела; она достала свои прекрасные наряды и отнесла их руководительнице кружка; та оценила подарок и сделала вывод, что они несомненно пригодятся для пошива

костюмов маленьким девочкам. Вечером за ужином она вздохнула и рассказала о своем поступке; Софья хвалила ее, а товарищ Осипов почему-то сделался задумчивым.

– Эх, Анастасия Сергеевна, какая вы были прелестная в этих платьях, глаз не оторвать! Хорошие времена были, что ж...

Незаметный человек, обычный мужчина около сорока лет, ничем не примечательные черты лица. Средний рост, темно-русые короткие волосы; форма офицера милиции почему-то делала его еще более ординарным. Так выглядел майор Осипов; в январе двадцать третьего года ему присвоили звание подполковника, параллельно повысили в должности и выдали служебную машину с водителем. Тогда же Вячеслав Николаевич затеял ремонт в квартире, тотальный и с полной сменой старой мебели; невиданная роскошь для тех времен. Настя с Софьей переехали в съемное жилье на целых три месяца, а когда вернулись, восторгом не было предела. Обновлению подверглось все, до мельчайшей детали; включая посуду, кухню, раковину и ванную. Они ходили из комнаты в комнату, онемев от окружающего их великолепия, пока Софья не подняла голову, стоя посреди гостиной.

– Ах, Настенька, вот именно такую люстру я видела в доме генерала Гукасова, еще в пятнадцатом году... ах, какая прелесть!

Настя переехала в комнату матери, рядом с комнатой отца, Софья – в бывшую детскую комнату. В гостиной стоял новый диван, в два раза больше старого, и только обеденный стол красного дерева и старинное фортепиано остались на месте. Единственные предметы домашнего обихода, которые напоминали о былой жизни. В тот вечер Софья заглянула к девочке перед сном, поцеловала ее в щеку, как это делала мать, и почему-то всплакнула. Как только закрылась дверь, Настя вскочила с кровати и подошла к большому зеркалу в тяжелой позолоченной оправе; до революции такие зеркала бывали только в очень богатых домах. Она скинула ночную сорочку, посмотрела на свое отражение и совершенно явственно осознала – в ее родном доме все изменилось, а больше всего изменилась она сама; она стала невероятно красивой, она стала похожей на свою мать. Лепесток нежного цветка; высокая грудь и чуть округлившиеся бедра, нежный румянец, густые длинные волосы падают волной на узкие плечи.

Так они и жили, совершенно не расставляя акцентов и не спрашивая ни себя, ни окружающих, кем они приходятся друг другу в этой странной квартире, кто они сами, кому теперь принадлежит их жизнь и что будет дальше. В школе к Насте и Софье Игнатьевне относились с уважением и сочувствием; все знали – офицер советской милиции подполковник Осипов живет с единственной дочерью погибшего товарища и ее одинокой незамужней теткой. Так Осипов приказал говорить о Софье.

В шестнадцать лет Настя закончила девять классов, пройдя весь путь буквально за год; она продолжала заниматься танцами и много выступала на мероприятиях города. Талант раскрылся – красива, пластична, музыкальна. Неудивительно, в половине номеров она солировала на зависть менее заметным девочкам. После школы встал вопрос о дальнейшем образовании. Вячеслав Николаевич посещал все ее выступления и всегда сидел в первом ряду; потому вопрос решился быстро – несмотря на юность, Настю вне экзаменов приняли в институт культуры на музыкальное отделение, вдобавок с вольным посещением.

Все горести и несчастья, пусть их было немало, проходили стороной; всегда находилось решение, всегда находился человек, который защищал от напастей и трудностей. В детстве таким человеком был отец; теперь же, хотя обстоятельства были несколько туманны, таким мужчиной стал подполковник Осипов.

Время стремительно бежало вперед, и вот уже отметили очередной Новый год; на отрывном календаре появилась новая страничка – январь одна тысяча девятьсот двадцать пятого года. Весной снова отметили день рождения Вячеслава Николаевича, ему исполнилось тридцать девять лет, и тут же запланировали отпраздновать Настино семнадцатилетие – не дома, как водится, а в новом ресторане «Жизнь театра». Лето порадовало теплом и малым коли-

чеством дождей, поэтому Осипов предложил забронировать столик на открытой площадке; но Настя хотела танцевать, а музыканты располагались в зимнем зале. Подполковник потакал ее капризам точно так же, как когда-то это делал отец, и потому сразу согласился. Накануне вечером Вячеслав Николаевич постучался к ней в спальню, подошел к кровати и положил на покрывало роскошное темно-вишневое платье, богато отделанное бисером и бахромой. Настя бросилась Осипову на шею с благодарностями и тут же примерила обновку. Она стояла напротив зеркала в полном восхищении; Осипов подошел к ней и поправил сбившееся кружево на плече.

– Анастасия Сергеевна, в связи с вашим днем рождения есть возможность исправить некоторые трудности.

– Какие такие трудности, Вячеслав Николаевич? Завтра такой прекрасный день, а вы опять про неприятные серьезные вещи.

– Объяснить непросто; во-первых, ваше купеческое происхождение и эта квартира. Некоторые факты, имеющие отношение к гибели господина Свешникова. Все детали вам знать совершенно не нужно, но есть некоторые обстоятельства, касаемые и вас, и теперь уже меня. Вы знаете о том, что отец собирался бежать из России?

– Мы хотели уехать, я помню...но теперь, какое это имеет значение теперь?

– Значение всегда есть. Так что завтра мы отмечаем ваше семнадцатилетие.

Никогда в жизни Настя не пыталась задавать себе неприятных вопросов, а тем более адресовать их другим. Подруг у нее не было, школьные знакомые остались позади; высшее образование Советского Союза только начинало формироваться, потому в институте были студенты совершенно разных возрастов. Софью оповестили в тот же вечер; в отличие от своей подопечной, она отреагировала на новость о смене возраста крайне холодно и провела остаток дня в своей комнате. В тот день за ужином Осипов и Настя выпили по бокалу грузинского вина, потом до половины двенадцатого играли в нарды и наконец разошлись по комнатам.

Темные шторы опущены, Настя наощупь пробралась к письменному столу и зажгла лампу; еще раз примерила новое платье, так выгодно подчеркивающее ее тонкую фигуру, и легла спать совершенно счастливая.

День рождения прошел замечательно. Играла живая музыка, и вся для Анастасии; целый вечер головокружительных танцев. Друзья Осипова, все как один в милицейской или военной форме, громкими овациями сопровождали каждый ее выход; в конце Вячеслав Николаевич пригласил на вальс. Настя кружилась, подхваченная крепкими руками, не упуская восхищенные взгляды незнакомых мужчин. Женщины с соседних столиков поглядывали с завистью и раздражением; Анастасия чувствовала свое превосходство и была совершенно счастлива.

Домой вернулись за полночь. Софья в ресторан не пошла, сказавшись больной; но выглянула из комнаты, услышав голоса в прихожей. Осипов сразу прошел в свой кабинет и закрылся. Софья помогла Насте раздеться; набрала полную ванную и нежно терла худые девичьи плечи. Настя говорила и говорила; сбиваясь и перескакивая с детали на деталь, она подробно описывала прошедший вечер; и ресторан, и гостей, и публику; особенно реакцию посетителей на ее танцы; конечно, не упустила завистливые взгляды присутствующих дам. Софья выглядела уставшей, в комнату провожать не стала и поцеловала на сон у порога. В темноте девушка сняла легкий халат и осталась в тонкой шелковой сорочке, сохранившейся от матери; откинула край покрывала и только тут заметила мужскую фигуру напротив окна, Осипов неподвижно сидел у письменного стола. Перед ним стояла бутылка коньяка и две полные до краев рюмки. Он наклонился вперед, властно взял ее за руку и посадил на колени. Она онемела от неожиданности и молча выпила до дна.

– Настя, я взрослый для тебя, это ни отнять ни прибавить. Вот что скажу...Выходи за меня замуж. Это все решит и все сделает проще. Вам без меня не выжить, никто не защитит лучше; документы отца я хорошо припрятал. Не дай бог, кто увидит... но выкинуть пока

нельзя, в этой стране что угодно еще может случиться. Ты не бойся, Анастасия. Пока я рядом, все у тебя будет хорошо. Живешь, как птичка, и дальше так же будешь жить, я мешать не стану.

Он замолчал, помедлил полсекунды, а потом наклонился и поцеловал. Настя ощутила резкую настойчивость и совсем не юношеские, жесткие мужские губы, почувствовала горячую мужскую ладонь на груди. По телу прошла молния. Настя застыла, не в силах пошевелиться. Через минуту Осипов резко отстранился, подхватил ее на руки и положил в постель, потом поспешно открыл дверь и вернулся в свою комнату. Прошло несколько минут; Настя услышала звук женских ног – Софья потихоньку вышла из гостиной и прокралась в свою комнату.

Всю ночь Анастасия провела в метаниях; он другой, от него не пахнет свежестью леса и парным молоком, а только запах табака с чем-то еще, непонятным и волнующим. Губы у него тонкие и напряженные; в глазах нет восторга и восхищения, одно лишь странное, будоражащее напряжение, то ли холод, то ли ярость.

Все позади, да-да; детство ушло безвозвратно. Больше нет ни матери, ни отца, ни любимой дачи в Парголово; нет прислуги и большого коричневого экипажа около парадной. Осталась одна только Софья, оттого осталась, что нет у нее других детей кроме Насти, и не будет уже никогда. Как повернется жизнь двух слабых женщин, если Осипов покинет их дом? Кто будет возить ее на занятия, покупать одежду и вкусные пирожные в кондитерской на Гороховой? Настя промучилась почти до рассвета, не находя покоя и места; почти уже забывшись тревожным сном, она вдруг вспомнила, как дрожало ее девичье тело тогда, деревенским летом, в прохладном тумане. Теперь же – острое желание дойти до конца и узнать наконец главный секрет. Она выросла; пришло время – к возможности стать взрослой приложится еще многое; добавится практически все, что нужно ей в жизни. Она будет танцевать, она будет летать по воздуху в прекрасном платье, люди станут ей рукоплескать; она никогда не состарится, она всегда будет красивой, и продлится все это тысячу лет.

Где грань между пороком и чувствами, Отец наш? Где грань между супружеством, заключенным двумя людьми на небесах, и проституцией во имя выживания или продления рода человеческого? Я знаю, неоднозначность не Твой конек, в Твоих книгах нет места сомнению. Но Ты слушаешь меня, я чувствую это, Ты слышишь.

Брак зарегистрировали очень быстро, празднование прошло скромно. Настя, так любившая красивые наряды, хорошо ощущала неловкость момента и не стала просить о пышной церемонии и свадебном платье. Накануне регистрации она постучала в комнату Софьи и попросила ее присутствовать в ЗАГСе и ресторане; больше всего она боялась, что Софья примет решение уйти из дома. Детский голос дрожал, слова и мысли путались.

– Софья, моя любимая Софьюшка, не уезжай только, прошу тебя. Оставайся со мной навсегда.

Софья обняла ее и в очередной раз расплакалась.

– Разве можно бросить круглую сироту, Настенька?

В ночь после свадьбы она стала взрослой, тайны больше не было; послевкусие оказалось неоднозначным. Самое важное открытие состоялось; ночь – э то женская власть над мужчиной. Грубое дыхание, напряженное мужское тело и животный стон в конце – как будто в руки попала запретная книга, где написан главный секрет. Это открытие будоражило, Настя мысленно возвращалась к ночным картинкам и вспоминала каждый крошечный момент. Теперь она знала, постель – это тоже танец, чем ярче платье и пластичнее движения – тем больше оаций.

Несколько недель прошли хорошо и ровно, Настя ездила на занятия хореографией и даже довольно быстро освоила пуанты; она сделала неутешительный вывод: в свое время из нее вышла бы неплохая балерина. Муж ни в чем не отказывал, а также не забывал про Софью и

ее гораздо более скромные нужды; на няньке висело хозяйство, к тому же Софья Игнатьевна продолжала работать в школе.

Буквально через пару месяцев после свадьбы случилось событие, совершенно не входившее в планы Анастасии, – беременность. На излете своих восемнадцати лет Настя родила сына Алексея, а в тысяча девятьсот двадцать девятом – дочь Катерину. Дети родились крепкие, с хорошим здоровьем; черноволосые и красивые. Настя гордилась своим потомством и восторгалась их маленькими детскими успехами при каждом случае. Семья получилась идеальной – муж заботился обо всем необходимом и даже позволял использовать служебную машину. После рождения второго ребенка Софье пришлось оставить работу – в конце концов, Анастасия не выдержала длительной отсидки дома и выразила желание окончить свое образование при любых обстоятельствах.

Наконец-то она вернулась в жизнь; радостное возбуждение захлестнуло и возродило уже почти забытые эмоции – за порогом института играла музыка и творился танец, божественный и яркий. Настасья снова расправила крылья; уже не детские, а крепкие, уверенные в своей женственности крылья взрослой женщины. Ее танец стал другим, движения уверенные и наполненные эротикой; ее взгляд то обещал что-то, то отталкивал с пренебрежением красивой барышни.

Едва закончился последний курс, как снова Настя ощутила утреннюю тошноту и целую неделю ходила в печали. Она оказалась самой молодой мамой из всех женщин, с кем была знакома; тем более, большинство семей ее круга ограничивалось двумя детьми. Одна знакомая шепотом подсказала адрес сведущей в «таких делах» дамы на Василеостровском проспекте, но Настя испугалась и не пошла, наслушавшись ужасных историй про страшную и мучительную смерть. Сделать такое – совершить убийство и взять тяжкий грех на душу; что скажет она на небесах, когда предстанет перед судом Божьим?

Через пару недель ей пришлось признаться в своем интересном положении главному хореографу кафедры; он ставил грандиозную композицию к празднованию годовщины октябрьской революции. Понимая всю серьезность такого мероприятия, Настя сильно переживала, ведь ей предложили главную партию. Вместо головокружительного триумфа Анастасию Сергеевну ожидало новое заточение на неопределенный срок. Как же печальна женская участь, подумала она тогда и вспомнила почему-то страшного гнома, который поселился в комнате матери во время ее болезни. Теперь Настя знала наверняка – все эти склянки и настойки, которые приносили модные доктора, все они на самом деле были совсем не лекарства, а заколдованные страшным гномом несчастные женщины, которые вышли замуж, нарожали детей, а потом заболели и были превращены в бесцветную стеклянную колбу.

Послушай внимательно, друг мой, прислушайся к этой адской какофонии – они верили в Бога, магию и в коммунизм одновременно. Список Твоих долгов перед человечеством неизмерим, и самый страшный грех, за который рано или поздно придется платить, – ложь во имя рабства. Много тысяч лет лжи с целью порабощения свободы мысли. Четвертое десятилетие двадцатого века, друг мой; пройдет буквально несколько лет, и женщины огромной страны станут отправлять своих детей на смерть во имя одного из самых жесточайших обманов человечества – патриотизма.

В тысяча девятьсот тридцать третьем году в тяжелых муках Анастасия родила дочку, ее назвали Еленой в честь покойной матери мужа. Все произошло с большими осложнениями, роженицу не отпускали из больницы целых две недели, а перед выпиской акушерка шепнула ей на ухо – теперь можешь жить в свое удовольствие, эти роды наверняка последние. Больше всех ребенку радовалась Софья, найдя в этих детях оправдание всему, что произошло с ними, оправдание своего молчаливого согласия и бессилия. Все трое малышей были крещены тайно от родителей; после каждых родов Софья терпеливо дождалась трех месяцев, выбирала под-

ходящий день и уходила гулять с ребенком на два-три часа, чтобы дать Насте возможность поесть и поспать. Детские крестики она прятала под своим матрасом. Она страдала бессонницей; крутилась, не сомкнув глаз до часу ночи, и в конце концов ничего не оставалось, как тихонько красться в гостиную и доставать из серванта бутылочку армянского коньяка. Осипов знал о тайных привычках Софьи и всегда держал дома запас спиртного. Бывало, она задерживалась там на две или три маленькие рюмочки и слышала приглушенный женский стон, доносящийся из спальни Осипова. Она возвращалась к себе в комнату, доставала детские крестики, целовала их и тут же убирала обратно. После, немного всплакнув, крепко засыпала.

В тысяча девятьсот тридцать пятом году, как только закончилось молоко, Настя наконец получила диплом и отправилась устраиваться на работу. Ей сразу предложили место в школе, руководить родным танцевальным кружком, в котором она сама занималась последние классы. Жизнь снова заиграла яркими красками; все выходные Анастасия Сергеевна сочиняла новые танцы и в понедельник неслась к своим девчонкам; рисовала эскизы костюмов и самостоятельно решала вопрос, где и на что шить самые красивые в городе наряды. Муж приходил домой поздно и уходил до восьми утра, Настя убегала в двенадцать и возвращалась не раньше семи часов вечера. Дети были полностью под присмотром Софьи, и в целом всех членов семьи устраивало такое распределение ролей.

Маленький кружок танцев очень быстро приобрел популярность, и через три года после начала работы подопечных Анастасии соединили с коллективом мальчиков. Теперь ей доверили возглавить самую большую детскую танцевальную труппу в городе. Постановки шли нарасхват, Настю приглашали на все праздники и торжества, и ни одно крупное событие в городе не обходилось без выступления ее труппы. Каждый новый успех, новая фотография в газете вдохновляли и давали фантазию для следующих представлений. Вершина популярности пришла в сороковом году, когда во время генеральной репетиции лихого казачьего танца дверь в танцевальный зал неожиданно открылась, и модные молодые люди вкатили телекамеру.

За ужином в субботу всей семьей обсуждали невероятное событие; Софья не удержалась и после пары рюмочек пустила слезу. Повод для застолья оказался двойной – успех Анастасии и повышение Осипова до полковника, поэтому в доме присутствовали несколько приятелей мужа. Так сложилось, что за много лет у Насти не появилось близких подруг; только жены сослуживцев Осипова и шапочные знакомства среди педагогов. Настя избегала близкого общения с коллективом школы, хорошо улавливая подводные течения – слишком красива, слишком молода и стройна после трех детей, слишком хороший муж. Приходя на работу, она не задерживалась в коридорах и столовой, а напрямик бежала в репетиционный зал; после окончания занятий побыстрее выскакивала на улицу и садилась в служебную машину Осипова. По пути она посещала продовольственный магазин; каждое утро Софья выдавала ей список продуктов, ходить за покупками нянька перестала после третьего ребенка – времени на покупки не осталось, да к тому же сильно беспокоил позвоночник. Настя радостно и шумно залетала домой, бросала большие пакеты на кухонном столе, целовала детей и мимоходом интересовалась, как прошел день.

Прекрасный танец жизни так бы и продолжался, но все закончилось двадцать второго июня одна тысяча девятьсот сорок первого года. Война. Страшное, смертельное облако опустилось на землю; оно покрыло ее всю, без остатка, просочилось густым ядовитым туманом в каждый дом, в самые отдаленные деревни и города, и не осталось места, куда можно было спрятаться, невозможно уберечь ни детей, ни стариков. Ужас и оцепенение поселились в душах и растворили сознание до такой степени, что почти никто и не пытался задуматься о бессмысленности всего происходящего. Женщины отправляли на смерть своих мужей, братьев и детей, на гибель за коммунистическую родину; перед порогом дома крестили их трижды, по христи-

анскому обычаю, и каждую ночь вставали на колени перед спрятанной в чулане иконой, сложив руки в отчаянной мольбе.

На все воля Божья, Отец наш. Ведь так?

Полковника Осипова забрали на фронт двадцать девятого июня сорок первого года, а уже тридцатого августа пришла похоронка. Ужас произошедшего был бы неизмерим, если бы почти в каждую соседскую квартиру не приходили такие же извещения. Настя проплакала два дня, громко изливая свое горе. Дети перенесли потерю с гораздо меньшими эмоциями – всю энергию произошедшего мать взяла на себя и спустила через надломленные в неистовой позе руки куда-то далеко за пределы их дома. Софья и вовсе пережила событие молча. На третью ночь после того, как Анастасия узнала про свое вдовство, она решила: замужество было ей навязано, как и многое другое, и возможно, смерть мужа даст начало чему-то новому, даст возможность принимать самостоятельные решения. Лишь бы только закончилась поскорее эта ужасная война.

Каждый день по радио голос диктора Левитана сообщал неутешительные сводки с фронтов, жизнь вокруг становилась все ужаснее. Анастасия Сергеевна продолжала ходить на работу до самой блокады, но после того как город был взят в кольцо, ее вместе со старшей дочерью и сыном отправили на оборонные работы. Днем они рыли окопы, ночью снимали фугасы с крыш. Начался голод. Люди потихоньку превращались в зомби, мысль о еде стала почти материальной, а когда ударили холода, смерть переселилась прямо на улицы; она была повсюду – в подъездах, квартирах, парках и пустых магазинах. Женщины и мужчины падали замертво; сначала погибали крепкие пожилые мужики, кого не забрали на фронт; потом женщины, дети, и под конец стали умирать сухонькие старушки, которые и до войны довольствовались сладким чаем с парочкой кусочков сыра в день.

Двадцатого декабря сорок первого года старшая дочь Катерина отправилась снимать фугасы с крыш и не вернулась домой; на утро командир бригады сообщил – девочка погибла при бомбежке. Вторая смерть отозвалась тяжелым колокольным звоном в сердце, Настя впала в холодное забытие. Софья выла нечеловеческим голосом; от слабости она почти не вставала с постели, и дети носили ей воду с хлебом прямо в комнату. Периодически ее сознание становилось совсем путаным, и она не помнила, как кого зовут; в конце концов, время совсем перемешалось, и в редкие моменты бодрствования она звала слабым голосом призраки прошлого:

– Анастасия Сергеевна, извольте поскорее закончить обед! Приехал учитель, а вы даже не открыли рот со вчерашнего дня... Господи прости, несносное дитя... Анастасия!

Сколько сил потратила Софья, приучая маленькую черноволосую девочку принимать трапезу за столом в гостиной, есть медленно и не выдавать хорошего аппетита и уж ни в коем случае не кусочничать между обедом и ужином. Верх неприличия – стащить заварное пирожное с кухни и съесть его прямо за письменным столом, или чего еще хуже – в постели до завтрака. Теперь реальность была словно непрекращающийся страшный сон, воспоминания стали серыми и потеряли очертания.

Тело старшей дочери вывезли в братскую могилу, а через две недели умерла Софья. Умерла тихо, в своей постели, и еще целых трое суток Анастасия получала по ее карточкам хлеб. Дети ели, мать пыталась растопить буржуйку остатками библиотеки отца. Они переехали жить в гостиную, спали вместе под несколькими одеялами; остальные комнаты закрыли и заложили дверные щели всем, что попадалось под руку, чтобы холодный воздух не просачивался в их маленькое жизненное пространство. Когда пришло время вывозить труп, Настя зашла в комнату Софьи; помедлив немного, сняла одеяло и нашла в руке у няньки три маленьких детских крестика. Нетрудно было догадаться, чьи образы унесла с собой через простран-

ство Софья Игнатьевна; ее последними воспоминаниями были трое прекрасных черноволосых детишек, они сидели за обеденным столом в гостиной и громко смеялись.

Так Настя осталась одна с двумя детьми, без всякой посторонней помощи. Леночке было восемь лет, а Алексею шестнадцать; для мальчика этот возраст означал только одно – даже если он не погибнет от голода в ближайшие месяцы, то через год с небольшим его призовут на фронт, а значит, смерть практически неминуема. Война не закончится быстро, так же как и блокада; теперь Настя знала это наверняка, несмотря на то что люди вокруг надеялись на чудо. Она помнила последние слова Софьи перед смертью:

– Матушка Россия... это теперь на много лет, доченька. Эх, душа болит за вас, моя любимая девочка, моя золотая, моя единственная...

Это очень человечно с Твоей стороны, Отец наш. Даже тем, кто совсем потерялся в глубине затухающего разума, перед самым концом Ты включаешь свет и даешь возможность хоть на краткий миг, но увидеть свою жизнь и узнать своих близких. Что ж, этой единственной справедливостью я и решил воспользоваться.

Мысли о сыне не давали Насте покоя, подстегивали затупленное от голода сознание. Думать и искать выход; ведь пока мы живы, выход должен быть непременно. Как-то во время ночной бомбежки Осиповы прятались в убежище, находившемся прямо в подвале их дома; один из снарядов разорвался где-то совсем близко, оглушив Настю почти на несколько минут. Она пришла в себя от того, что Алексей бил ее по щекам; открыла глаза и посмотрела вокруг. Анастасия увидела людей, скорчившихся от страха; их лица ничего не выражали, одна животная пустота. Настя посмотрела на своих детей, бледных и таких же безучастных, как все окружающие, и вдруг осознала – больше всего она хочет остаться в живых; она хочет, чтобы дети тоже остались живы, и ей совершенно наплевать, что думают по этому поводу окружающие и какие обстоятельства привели всех находящихся рядом людей в такое положение. Она и ее дети не останутся здесь и не умрут. Надо просто начать делать что-то, даже если нет четкого и выверенного плана.

На следующий день Анастасия отправилась в свою школу и застала там директора, пожилого мужчину Льва Семеновича. На следующий день он снова оформил Настю на работу; теперь был веский довод – бывший преподаватель стала работать в стихийном детском саду, устроенном в помещениях кружков и классов; к мизерной пайке хлеба прибавился небольшой мешочек муки, целых три раза в неделю. Настя стала заваривать мучной кисель из еловых иголок, и уже через неделю увидела результат – у Алексея и Леночки перестали кровоточить десны.

Она старалась как можно больше общаться с людьми: с родителями, приходившими в детский сад в конце дня, с другими учителями, с работниками хлебных прилавков, где выдавали паек; собирала каждый кусочек информации, прислушивалась к любым, даже совершенно противоречивым прогнозам, но пока неизменными оставались три вещи – адские морозы, голод и смерть. Блокада не прекращалась, надежды были тщетны. Время от времени ей приходилось убирать со ступенек школы тела родителей; они приходили за своими детьми, от бессилия садились на ступеньку и засыпали навсегда. Детский сад потихоньку превращался в детский дом.

В феврале сорок второго года Анастасия познакомилась с конструктором одной из технических лабораторий, еще оставшихся в городе. Ученого звали Алексей Лазаревич Лихтенштейн, пожилой интеллигентный мужчина; его работа была как-то связана с вооружением и железной дорогой. Он приводил в детский сад внука Сенечку; отец ребенка погиб на фронте, мать пропала во время бомбежки. Голубоглазый малыш, похожий на ангела, он видел маму в каждой женщине. Настя заштопала Сене порванные штанишки и нашла дома маленькое дет-

ское пальто, мутоновую шапку и несколько пар шерстяных носков. Алексей Лазаревич остался с внуком совсем один; увидев обновки, он расплакался как ребенок. Через неделю Лихтенштейн пригласил всю семью Осиповых переехать к нему в квартиру; так всем будет легче, особенно с едой. В лаборатории тоже выдавали дополнительную муку, но пожилой мужчина не умел варить еловый кисель. Квартиру на Петроградской закрыли, перед уходом прибили на дверь дощечку с надписью «Осиповы».

Вот так старое детское пальто и пара шерстяных носок спасли оставшуюся в живых семью от смерти, и как в последствии оказалось, дело было не только в дополнительной муке. В марте сорок второго года Анастасия вместе с Лихтенштейном и сотрудником его конструкторского бюро была эвакуирована по Дороге Жизни. Как только они очутились на другом берегу, Леночку, Сеню и Алексея отправили поездом в Астрахань, к родственникам Алексея Лазаревича; старый еврей уговаривал Анастасию сесть в вагон вместе с детьми. Настя уже подняла с земли маленький вещевой мешок, но тут ее взгляд остановился на сыне. Смутная тревога сковала ей горло; она остановилась. Поезд тронулся, дети махали ей из вагона, их лица постепенно растворялись в морозном тумане. У Анастасии Сергеевны не было четкого плана; в то самое утро неожиданная мысль пронзила сознание: если она не хочет больше терять детей, ей надо уйти на фронт. Там она придумает, как помочь сыну, она обязательно найдет нужных людей и решит эту проблему. Надо выжить, обязательно выжить, любой ценой, какую ни пожелает эта адская бойня. И это единственное, что имеет смысл на сегодня – жизнь ее и детей. Больше ничего.

Не знаю, наблюдаешь ли Ты, друг мой, потоки сущего?...Как сгустки Великого Поля прорываются через биологию, вызывая всплеск подсознания и ведя человека будто за руку. Как же я хотел бы постичь это чувство – когда вдруг, совершенно без всяких оснований знаешь, как поступить, и можешь отдать что угодно, и не сомневаешься в своем предчувствии ни на минуту. Ты молчишь, Великий Отец... Но я знаю, Ты осознаешь так же остро, как я, что значит конечность бытия; что значит жить и понимать – каждый день прекрасен, он уже не повторится никогда.

Алексея Лазаревича вместе с его сослуживцем должны были отправить за Урал – для продолжения работы над новым вооружением. Анастасия даже не предполагала, как теперь ей поступить; военнообязанной она не была, потому что не имела медицинского или военного образования. Они ютились в вокзальном помещении поселка Кобона; Алексей Лазаревич отбывал через сутки. Не спросив ни слова про будущие планы Анастасии, он воспользовался старыми знакомствами среди военных; вскоре поезд Лихтенштейна направился на восток, а Настю посадили в проходящий мимо конвой и отправили на запад; теперь она была командиром нового банно-прачечного отряда при девяносто пятой армии.

С тех пор под ее руководством находились не милые ленинградские школьницы и школьники, а двадцать здоровых крестьянских баб, едва закончивших три класса на задворках бывшей Российской Империи. В хозяйстве числились три повозки, восемь лошадей, маленький старый грузовичок, куча мыла, начиная с простого хозяйственного до специального против вшей, сорок стиральных досок, сорок кипяtilьных тазов, и напоследок куча катушек с нитками, немало ножниц и швейных игл.

Женская война оказалась не менее ужасной. Прачки стирали голыми руками круглые сутки; стирали вшивое, кровавое, измазанное в человеческих испражнениях и земле, стирали гимнастерки без рукавов, штаны без брючин, продырявленные на груди телогрейки. Руки ее подопечных за три-четыре дня покрывались ранами, потому Настя устроила сменную работу – три дня стирка, три дня шитье или просто разбор белья, но без воды. Вода для экономии делилась на три категории – одна уже вторичная, там для начала замачивали все самое гряз-

ное, вторая для стирки и кипячения, третья – для полоскания. Первые три месяца показались несколькими годами, зато Настя наконец-то набрала человеческий вес в пятьдесят килограмм; на фронтовом пайке перестали лезть волосы и кровоточить десны. Она сумела привезти из Ленинграда маленькое зеркальце; теперь можно было смотреть на свое отражение без особого ужаса.

Вокруг шли ожесточенные бои, много месяцев линия фронта оставалась на прежнем месте. Для Насти все это конечно имело значение, но совершенно в другом контексте – время шло и до совершеннолетия Алексея оставалось совсем недолго. Она получила от детей хорошее письмо; они писали о сестре Алексея Лазаревича Ирине, ее дочери и сыне; о том, какие это добрые люди и как тепло они отнеслись к ним, совершенно чужим детям. На дворе стояло лето, в Астрахани жара; дети часто ходили на рыбалку и ждали – вот-вот поспеют арбузы. Вот-вот закончится война и мама приедет за ними.

Даже на фронте теплая погода принесла оживление; в штабе армии устроили просмотр патриотического кино и пригласили туда сотрудниц медсанчасти, а также Анастасию Сергеевну с ее заместительницей Варварой. Варвара была человеком партийным и строгим; иногда между ней и Осиповой происходили серьезные стычки по поводу графика работы и распределения пайка, но в итоге Настя хватала первую же попавшуюся прачку и тыкала истерзанными руками в лицо коммунистической партии. На том все и заканчивалось.

Просмотр фильма завершился небольшим фронтовым фуршетом; специально для дам кто-то из офицеров раздобыл несколько бутылок крымского вина. Веселились почти три часа кряду, и даже пригласили женщин танцевать под боевой аккордеон. С непривычки вино ударило в голову, и будто не война и не кирзовые сапоги на ногах – Настя кружилась в такт музыке и в тот момент была совершенно счастлива.

В полпервого ночи полковник Чернышев вызвался проводить дам до дислокации банного-прачечного хозяйства. Проводил и на прощание сумел незаметно опустить записочку в карман Настиной шинели. Ему было около сорока, столько же, сколько товарищу Осипову в год женитьбы на Анастасии. Высок и строен, зеленые глаза и темные волосы, острый волевой подбородок. Недавно его наградили звездой Героя за отчаянный ночной прорыв в тыл врага и доставку трех немецких офицеров с пакетом важных документов. Награда непременно означала скорое повышение в звании и должности.

Женщины вернулись в свой отряд к двум часам ночи. Настя и Варвара спали вместе, в кабине небольшого грузовичка; рядом стопки с чистым бельем и огромные пакеты хозяйственного мыла. Анастасия Сергеевна долго не могла заснуть, в памяти одна за другой пролетали картинки прошедшего вечера – звуки аккордеона, громкий смех и звонкие аплодисменты в такт музыке; Чернышев сидел позади всех и смотрел на Настю не отрываясь. На душе неспокойно, волнительно... даже не вспомнить; быть может, когда-то уже так было, такое же предчувствие, почти полная уверенность. Теперь все втроекратно; теперь невозможно придумать причину и не сделать выбор, потому что война, и может быть завтра Настя в последний раз почувствует мужское дыхание так близко, как это только возможно.

На следующую ночь она пришла в штаб армии, он располагался на краю небольшой деревни; полковник Чернышев и еще несколько офицеров занимали домик одинокой старой женщины. Он ждал Настю около небольшого сарая, с корзиной в руке; в ней бутылка все того же крымского, палка краковской колбасы и полбуханки белого хлеба. Неслыханная роскошь. Они потихоньку закрыли дверь в сарай, полковник поставил корзину на землю и, не сказав ни слова, поцеловал Настю. Все произошло невероятно страстно и быстро; как будто их могли прервать в любую секунду, и тогда подобной возможности уже не случится никогда. Потом они выпили полбутылки и съели немного колбасы; остальное Настя забрала угостить свой девичий отряд. В сарае пахло старым сеном и прогнившими досками. Они лежали на полковничьей шинели и смотрели сквозь большие щели на небо; северная ночь поймала свой единственный

темный час. На дворе стрекотали кузнечики, старая коза то и дело клонила голову к земле, оттого колокольчик на шее издавал одинокий жалобный звук. Все как-то не так, неправильно... и вдруг стало совершенно очевидно, в чем странность происходящего; Чернышев обнял Настю за плечо и прошептал:

– Надо же, как тихо...

Шли тяжелые бои, вокруг тысячами погибали люди. Погибали мальчишки, не познавшие любви, и мужчины, оставившие дома большие семьи. Подопечные Анастасии Сергеевны продолжали стирать, освобождая ткань от потоков человеческого отчаяния. Чистая рубаха досталась кому-то снова, а через несколько дней возвращалась без рукава или с пулевым отверстием в области груди. Бывало, белая ткань сплошь становилась красной, с десятков пулевых отверстий по всей гимнастерке; тогда ее стирали и использовали дальше для заплат.

Через месяц Степана Чернышева повысили до командующего дивизией и выдали в пользование новенький «Виллис». Такие жесткие и отчаянные, как Чернышев, – вот что ценилось в безумии сорок второго года, потому что никто другой не мог выдержать гнета отступлений и бессмысленной гибели солдат. Как только возможно, он приезжал на новом автомобиле к Анастасии. Чаще всего он был один, без водителя; машина теперь служила местом свиданий. У Чернышева была семья; жена и дочь, они жили где-то под Мурманском. Но Настя никогда не спрашивала об этом, в том месте и времени такой вопрос просто не имел никакого значения. Банно-прачечный отряд постоянно двигался вместе с действующими силами армии; и теперь дислокация Анастасии всегда была рядом с дивизией Степана Ивановича Чернышева.

В ноябре сорок третьего года сына Насти призвали в армию. К тому времени по настоянию матери Алексей окончил курсы водителей; командир дивизии полковник Чернышев взял его личным шофером. С тех самых пор Варвара и большинство прачек из отряда Осиповой стали отчаянно ненавидеть Анастасию Сергеевну за то, что их сыновья и братья продолжали погибать за Родину в честном бою; но высказать свое недовольство вслух побаивались. Все знали, что товарищ Сталин лично вручил полковнику Чернышеву вторую звезду Героя.

Так они и дошли все вместе до конца войны; Степан, Анастасия и ее сын. Остановились на подходах к Берлину; Алексей переживал, ведь так и не попали в Рейхстаг, на что Степан Иванович первый раз за всю войну сказал совершенно не патриотическую фразу:

– Радуйся, Леха, живые сидим и не калечные. Наплевать нам на Берлин.

Так закончилась великая человеческая бойня, самая бессмысленная и жестокая, несравнимая своим кровопролитием ни с одной из прошедших на земле войн. Сколько сотен лет они делили священные книги, орошая землю кровью во имя Твоих имен, проклиная одно из них и возвышая другое. Одна крошечная деталь – всего лишь ИМЯ; море жизней, законченных, так и не начавшись толком. В этот раз все было не так, это было начало новой эры, эры раздвоения, когда под знаменем новой лживой идеи избранные Тобой делили не слово Твое, а земные богатства, тицеславие и власть. И никакая кара небесная не настигла их, друг мой. Человек, называвший себя Сталиным, умер в своей постели старым и немощным, от простой человеческой болезни. Он прожил долгую жизнь в относительном здравии, в течение этой жизни он убивал и сеял ненависть много десятков лет подряд. Ты слышишь меня, я знаю. Я буду писать новую книгу, я соберу только самое ценное, от каждого по маленькому воспоминанию о самом добром и прекрасном, и сложу его в один огромный смысл, перекрывающий все, что Ты так тщательно оберегал сотни лет подряд.

Степан Чернышев так и не вернулся в Мурманск; на обратной дороге ему пришлось запоздалое сообщение – его жена и ребенок умерли от тифа три месяца назад. Почту доставили почти в полночь. Хмельной дурман окутал жестокие слова, смутные образы худенькой светловолосой женщины и маленькой девочки всплывали между строк. Воспоминания размыты;

тонкий женский голос и робкая улыбка, большой живот, от пупка до лона коричневая полоса, будто указатель главного таинства жизни; и снова все затуманилось еще сильнее.

Настя склонилась над ним, тяжелые темные волосы упали на лицо; забрала бутылку из рук, потом опустила на колени и начала снимать сапоги. Картинка совсем расплылась, настала темнота.

Они возвращались в Ленинград все вместе, как настоящая семья; на подходах к границе Анастасия написала Лихтенштейнам с просьбой посадить Леночку на поезд до северной столицы, а также выслала шестьдесят рублей на дорогу и прочие расходы. Ехали все вместе на том самом «Виллисе», который по счастливой случайности прошел без особых повреждений всю войну. Фронтовой народ считал Анастасию Сергеевну ведьмой – без сомнений, она заговорила машину и спасла своей безбожной молитвой сына и любовника. Многие завидовали: ее ребенок остался жив, и не важно, какой ценой. Они возвращались, везя с собой кучу трофейного добра; от посуды и ковров до маленького фортепиано, которое конечно не влезло в хоть и большой, но легковой автомобиль. Его везли отдельно, в грузовичке банно-прачечного отряда. Ехали долго и осторожно; война закончилась, но только на бумаге. Несмотря на жаркую погоду, в дороге Алеша наглухо зашторивал оба боковых стекла (Анастасия еще в сорок третьем сшила из остатков гимнастерки специальные шторы, самая плотная была помещена на боковое стекло водителя). К осторожности призывал и еще один факт – под сиденьем водителя находился небольшой мешочек с ювелирными украшениями немалой стоимости.

Анастасия Сергеевна ехала на заднем сиденье вместе с Чернышевым; тот периодически запускал руку в бардачок и доставал маленькую бутылочку немецкого шнапса. Настя обняла его за плечо и сказала шепотом:

– Степа, хотела сказать тебе, да все не к месту было – последние роды прошли тяжело, так что детей у меня больше не будет.

– Ну даешь...а то я не понял. Поживем для себя, Настасья, уж заработали. Теперь надо жить дальше.

Он потрепал ее темные волосы и хлебнул из трофейной бутылочки. В машине душно, от качки сильно клонило в сон.

До начала новой жизни оставалось всего пятьсот километров.

Для окончательного закрепления отношений не хватало только официальной бумаги из ЗАГСа; но этот факт оказался как нельзя более выгодным. По прибытии в Ленинград Чернышев получил двухкомнатную служебную квартиру на Выборгской стороне, так как не имел жилья и не был женат на женщине с квадратными метрами. Все сложилось как нельзя лучше – Анастасия с гражданским мужем уехала в казенные метры, Алексей вернулся в дом на Петроградской, а через неделю из Астрахани приехала Леночка. Решено было, что дети заживут своей жизнью в квартире их деда.

Дом чудом остался в целости. Благодаря соседке напротив, пережившей блокаду от начала и до конца, никаких неожиданных жильцов в квартире Осиповых не образовалось. Настя затаила дыхание и повернула ключ в замке; старая потертая ключница прошла с ней через всю Европу, давала надежду и теплые воспоминания о детстве, отце и матери.

Первый этаж; оттого все окна выбиты и не осталось никакой мебели, кроме той, что невозможно было вытащить; никаких вещей и тем более посуды. Тут-то и пригодится трофейное добро. Настя бродила по комнатам и заглядывала во все шкафы, открывала кухонные полки, стараясь найти что-то полезное или хотя бы более-менее сохранное. Немного тарелок, старый чайник; в дальнем углу ящика несколько ложек; в платяных шкафах – почти пусто; любая вещь из квартиры приличной ленинградской семьи годилась если не согреться, то продать – это точно. На душе стало пусто и печально, как будто не война разорвала жизнь на «до» и «после», а эти пустые шкафы и разгромленные комнаты.

Настя ясно слышала звуки музыки в гостиной и веселые мужские голоса; отец с пахучей трубкой в руке, мать в прелестном муаровом платье. Будто бы нарочно память вычеркнула все то, что было связано с ее мужем; никакой жалости и никаких воспоминаний. Анастасия Сергеевна не вспомнила о нем и даже не вспомнила о погибшей дочери и Софье; душа ее тосковала о зимнем Санкт-Петербурге, о большом красивом экипаже возле ворот, об их доме в Парголово. Накатила невыносимая слабость; она села прямо на пол в отцовском кабинете и тут же заметила – старинный отцовский подсвечник, пропавший еще во времена далекого детства, закатился под старую кровать и чудом не был украден. Руки тут же сами нашли разгадку многолетней тайны; тонкая подставка на дне подсвечника легко отвалилась после небольшого усилия, и вот оно – Настя обнаружила четыре выцветших билета на пароход до Хельсинки. Видимо, из Финляндии гораздо проще было добраться в теплые страны, к берегу бескрайнего моря. Через день после папиной гибели они должны были уехать из холодного Санкт-Петербурга навсегда и начать новую жизнь.

Темные мысли заползали в голову; мучительные подозрения пытались разрубить сознание на две половины, но Настя тут же отогнала догадки прочь и выкинула бумаги в разбитое окно. Как появился в ее доме товарищ Осипов? Какие события предшествовали гибели ее отца? Под билетами она нашла купчую на их дачу, за месяц до тех самых событий. Как бы теперь повернулась жизнь, если бы дом так и принадлежал ее семье, и не случись все эти ужасные события; что, если бы Настя так и продолжала приезжать в деревню каждое лето? Тут же в памяти воскрес образ Николы, его теплые руки, выгоревшие на деревенском солнце волосы. Но жизнь идет дальше – и это самое главное. Анастасия Сергеевна Осипова жива. Она здорова и счастлива, так что теперь надо поскорее забыть все печали. Теперь надо смотреть только вперед и постараться ни в коем случае не оборачиваться.

Полковник Чернышев видел Ленинград впервые и не имел в этом городе особых знакомых или друзей; однако он выработал четкий план всего, что касалось дальнейшей жизни и работы. Он принял большое участие в ремонте квартиры для детей, параллельно занимаясь казенной жилплощадью для себя и Анастасии Сергеевны. Настя вкладывала немало сил в устройство быта ее семьи, которая теперь разделилась на две половины. Хозяйственных дел она не любила, но теперь занималась этими вопросами с большим вдохновением по многим причинам – новая жизнь после четырех лет ада, а также стремление поскорее закончить ремонт и вернуться на работу в родной танцевальный кружок. Первым делом по возвращении домой она посетила свою школу; к ее радости, здание не разбомбили и школа уже два года работала как полноценная десятилетка; хореографический зал терпеливо ждал свою хозяйку.

Вопрос с Алешей и Леночкой решился как нельзя более удачно. Алексею было девятнадцать лет; на груди гимнастерки красовались ордена и медали, потому без всяких экзаменов его взяли в политехнический институт на кафедру физики. Физика была самой модной наукой на тот момент развития человечества. Конечно, все произошло не без помощи Чернышева, который также позаботился о будущем дочери – Лену отдали в хорошую вечернюю школу, там можно быстрее пройти все десять классов. Закончит и пойдет в педагогический институт, на кафедру иностранных языков. В целом все складывалось очень удачно, Анастасия была довольна.

Алексей имел склонность к точным наукам и серьезное желание познать физику, но большими способностями не обладал; свой самый главный талант он приобрел на войне – умение нравиться людям и договориться с кем угодно о чем угодно. В институте он быстро сориентировался и понял – многие студенты оказались во многом талантливее его, оттого имели гораздо большие перспективы. Но Алексей не сдавался, он использовал свои фронтовые навыки на всю катушку и зачастую получал более высокие оценки, нежели одаренные однокурсники. При этом он оставался другом для всех; никто из студентов не заострял свое внимание на том, как

Лешка Осипов постепенно становится одним из немногих претендентов на красный диплом, а также имеет все шансы на распределение в физико-технический институт Иоффе. Уже на втором курсе он проходил там летнюю практику. К тому же, Алексей был похож на свою мать, как две капли воды; он был неординарно красив и грациозен. Черные волнистые волосы, прямой орлиный нос и невероятно обворожительная улыбка. Студенческие вечеринки проходили однообразно, если на них не было Алексея. Он крутил мимолетные романы с самыми симпатичными девчонками в институте, при этом не преминув мимоходом выяснить, кто родители и откуда приехала. Постоянной девушки Алексей не имел, считая это обременительным; необходимость постоянных встреч и присутствие какой-либо дополнительной ответственности – это не входило в его планы. Со второго курса по протекции Чернышева он начал подрабатывать в одной из секретных военных лабораторий, за что получал неплохую добавку к стипендии; так он жил вместе с сестрой в огромной четырехкомнатной квартире и строил планы на звездное будущее.

Однако после второго курса случилось непредвиденное событие, совершенно не входившее в его планы.

Студентки политехнического, да и девчонки из других институтов, которых он встречал на городских танцах и разных посиделках в общежитии, старались сохранить свою невинность для будущего мужа. Такая позиция резко отличалась от фронтовой жизни, где все было без лишних реверансов – никто не думал о завтрашнем дне; и мужчинам, и женщинам хотелось жить здесь и сейчас. По этой причине Алексей был весьма подкован в интимной жизни, особенно после романа с врачом-хирургом из полевого госпиталя Верой Павловной. Их отношения продлились весь сорок четвертый год; Вера Павловна была во всех отношениях прекрасной и очень чувственной дамой. Теперь же выплеснуть накопившийся во время учебы тестостерон представлялось занятием непростым, такая удача подворачивалась нечасто.

В один прекрасный пятничный вечер однокурсник Алексея Коля Столыпин воспользовался отъездом матери в Мурманск и пригласил друзей к себе домой. Его мама была главным акушером-гинекологом Ленинграда, оттого часто уезжала в командировки; народу собралось много, все курили и пили дешевое вино, танцевали под патефон. Колина девушка Лена Стрижельникова училась в училище при Первом медицинском институте, мечтая через год поступить на врача-хирурга. Она привела с собой однокурсницу Арину, маленькую рыжеволосую девчужку, похожую на приболевшего с голодухи котенка. Смешное личико, покрытое веснушками, потерянный взгляд; точнее беспокойный взгляд человека, попавшего в сложную ситуацию. Она приехала из Саратовской области, в ее семье никто никогда не имел высшего образования, да и сама Арина планировала закончить училище и пойти работать. Для ее односельчан уехать в Ленинград и выучиться на медсестру было пределом социальной лестницы. А еще Арина очень хотела выйти замуж; конечно, о парне из политехнического мечтать не стоило, и она понимала это, оглядывая с ног до головы присутствующих на вечеринке дам. Впервые с начала учебы она пришла в гости к коренному ленинградцу; ей было не по себе – сложно понять, о чем таком они говорят и смеются, все эти студенты из самых престижных университетов. Она была одна в большом городе; люди вокруг разговаривали на непонятном языке, они обсуждали слишком сложные и излишне витиеватые жизненные вопросы; даже Лена Стрижельникова не была ей близкой подругой и, скорее всего, просто из жалости прихватила несчастную деревенщину на вечеринку.

Алексей ничего не ел с самого утра и от того быстро опьянел. Новый патефон кричал на всю квартиру; очередной веселый мотив, народ поднялся на заводной танец. Ленка вытащила Осипова в пару к своей невзрачной подруге; да уж и все равно с кем танцевать, весело и хмельно. Смешная девчонка боялась поднять на него глаза, так застенялась; двигалась скованно, то и дело пыталась наступить на ногу партнеру. Алексей незлобно подшучивал и даже проявил галантность, повторив танец еще раз – если учесть, так чтобы запомнилось. Арина

старалась изо всех сил, но полное отсутствие слуха и чувства ритма не давали возможности освоить танцевальное дело. Алексей мысленно пожалел несчастную девчущку; в конце второго танца похвалил ее за быстрые успехи, галантно поклонился и усадил партнершу в старое кресло рядом с патефоном. Она сказала что-то, первый раз набравшись храбрости и посмотрев ему в глаза, но он не услышал, так громко играла музыка; развернулся и скрылся в глубине прихожей. Пару минут назад он увидел, как в дверь вошла Галка Смирнова, красивая и веселая дочка заведующего кафедрой сопротивления материалов. Безо всяких сомнений, она волновала Алексея гораздо больше, и список причин тому был довольно объемный. Как-никак, самый сложный предмет на курсе.

Посиделки закончились к часу ночи, Коля начал разгонять народ. Леша присел в кухонное кресло и ненароком заснул. Через полчаса его растолкали; в квартире не было никого, кроме Коли, Лены и ее смешной подружки, они открыли последнюю бутылку вина и расслабленно сидели за столом. Коля и Лена уже запланировали свадьбу в августе этого года, потому моральных норм не придерживались и буквально через полчаса ушли в спальню матери.

Алексей из вежливости решил налить себе и девушке чаю, а потом предложил проводить бесцветное создание домой. Он чувствовал неловкость момента и злился на себя, крепкое вино все еще будоражило воображение; одновременно хотелось как можно скорее оказаться дома, а еще больше – на месте Коли за тяжелой коричневой дверью. Арина сидела напротив, смотрела на него восхищенно и боязливо. Все решилось само собой – девушка не высказала сопротивления ни словом, ни жестом; утром он проводил ее до общежития и пообещал навестить, как только сможет. Скорее всего, на выходных. На дворе второй послевоенный год, молодежь слишком занята восстановлением страны и не может уделять личной жизни слишком много внимания.

Однако в субботу Алексей вместе с сестрой отправились к матери на обед, а потом в Эрмитаж на открытие какой-то выставки. Потом всей семьей долго гуляли по Невскому, зашли в кафе; женщины ели мороженое, мужчины выпили по сто пятьдесят коньяка, закусив колбасой. Домой вернулись поздно, а в воскресенье Алексей по графику отправился дежурить в лабораторию. Дни пробегали похожие один на другой, и вот уже снова пятница; смешная девушка Арина как-то совершенно выпала из памяти. О ней напомнил Коля; после занятий девушки пригласили их в Екатерининский сад на прогулку. Сценарий прошлых выходных повторился почти в точности, только без шумных посиделок – прогулка, бутылка вина, патефон в квартире Столыпина, торопливый секс в кресле в гостиной. Арина не посмела даже намекнуть – неплохо было бы проявить внимание и появиться в ее общежитии еще несколько дней назад, как он обещал. Но она молчала, и Алексей сделал очевидный вывод: простушка, что говорить. Таких теперь немало приезжает в северную столицу.

Пятничные встречи сохранялись с завидной регулярностью еще целый месяц, до приезда Колиной матери; Ольга Петровна Столыпина вернулась из мурманской командировки почти на три недели позже, чем планировала. Все к лучшему, подумал тогда Алексей; где же теперь им встречаться? У него малолетняя сестра, практически на полном попечении, у Арины – комната в общежитии и три соседки. Обстоятельства превышают возможности, ничего не попишешь. Но события повернулись совершенно неожиданным образом.

После прекращения ночных посиделок в квартире приятеля прошло три-четыре недели; за это время Алексей всего один-единственный раз сходил с Ариной в парк после учебы и пропал, обещая обязательно «что-нибудь» придумать. Он возвращался домой после воскресного дежурства в лаборатории; неожиданно вместо сестры дверь открыла мать. Анастасия поздоровалась с ним довольно взволнованным голосом, в глазах – знакомый возбужденный блеск. В ту секунду в голове Алексея пронеслась мысль: его мама, она слишком хороша для матери взрослых детей, слишком молода для почти сорокалетней женщины. Он прошел через коридор на кухню и увидел Арину. Она сидела за столом; услышав звуки его голоса, стала нервно дергать и

без того плохо сидевшее шерстяное платье. Спутанные рыжеватые волосы собраны в пучок на затылке, лицо бледное и несчастное; только подойдя поближе, Алексей понял – она плакала. Арина тихо поздоровалась с ним и понуро опустила голову. Он понял все, не начиная разговор; холодная волна прокатилась по спине. Сестра и мать сели за стол рядом с пострадавшей, и Анастасия начала без длинных вступлений.

– Алеша, в нашем доме подлецов не должно быть. Ребенку нужен отец.

В тот момент одна-единственная мысль пронеслась у него в голове: после всего, что они прошли вместе, после страшной войны; и вот теперь, когда его жизнь только начала налаживаться и появились неплохие перспективы? Он стоял и молча смотрел то на мать, то на Арину. Все притихли, понимая – все будет так, как решит Анастасия Сергеевна. Уже много лет подряд все они обязаны ей не только рождением, но и жизнью после блокады, и всем, что у них теперь есть.

– Не переживай, Алеша, мы поможем. Институт закончишь, Ариночка пока может прервать образование, училище всегда подождет, тут без сомнений. Так что решайте, молодые, что да когда. Грех на душу не возьмем, правда, Алеша?

Несколько дней после очной ставки Алексей не мог уснуть, он вспоминал жизнь своей семьи; его отца и тайну, окутавшую его появление в доме матери. Эх, была бы Софья жива, теперь-то он точно выудил бы из нее все, что она знала; потом блокада и гибель Вячеслава Николаевича, потом смерть сестры и Софьи Игнатьевны. Старый еврей и его большая квартира, ночной лед Ладожского озера, а потом красивый черный автомобиль и полковничья рука, крепко обнимавшая мать за талию.

Через месяц с небольшим Арина переехала из общежития в дом на Петроградской. Свадьба была скромной; только Осиповы, Чернышев и пара школьных коллег Анастасии; родителям Арины отправили телеграмму. Молодая жена ушла в академический отпуск и с первого дня своего пребывания в квартире принялась за хозяйство. Больше всех ее появлению обрадовалась Леночка; тут все ясно – вопросы уборки и еды теперь были решены сами собой. Алексей старался сохранять бодрость духа и чтобы как-то отвлечься от сложившейся ситуации, с головой погрузился в учебу и работу. По утрам будущий отец торопливо спускался по ступенькам к парадной двери и ровно через пять минут как будто совершенно забывал о произошедшем; до самого вечера он не вспоминал о том, что жизнь его круто переменялась буквально за один месяц. Однако за ужином он ощущал, как над ним нависает тоскливое душное облако – как Алексей ни пытался быть веселым, он впадал в печальное и раздраженное оцепенение. Арина чувствовала его недовольство и старалась найти себе какое-нибудь важное занятие в другой комнате.

Странное дело, но поперек всей житейской логике деревенская девочка оказалась не очень хорошей хозяйкой. Ее уборка оставляла желать лучшего, постиранные вещи почему-то тут же становились серыми, включая белые рубашки мужа, да истряпня была сварганена на скорую руку; заправка в супе порезана большими невкусными кусками, а пюре, какой картофель ни попадись, всегда было комочками. Каждую ночь Алексей исправно выполнял супружеский долг; он старался закрыть глаза и представить себе страстную докторшу – с ней они вытворяли такие штуки, о существовании которых он даже не подозревал.

По прошествии нескольких месяцев Алексей в отчаянии написал матери письмо, суть которого свелась к одной-единственной фразе: «Не могу любить ее, мама, не могу...» Но письмо осталось без ответа; чем больше рос живот, тем яснее становилось, что ничего уже не поменяешь, не стоит и пытаться, а что дальше – лучше не думать. За пару месяцев до родов всей семьей отмечали день рождения Чернышева; Анастасия накрыла стол в военной квартире; из гостей только пара сослуживцев мужа, Алексей, Елена и Арина. Будучи уже сильно под хмельком, Степан Иванович обнял Алексея за шею, наклонился и негромко сказал:

– Ты смотри, Леха, не дури. Тебе сейчас карьеру делать надо. Разведенных в партию не берут, а ты ведь не хочешь за Урал по распределению... Так что раскинь мозгами.

В январе сорок восьмого года у Арины родилась девочка, всего два с половиной килограмма весом, но в целом вполне здоровая. Назвали Натальей. Вместо оживления и счастливой неразберихи, какая обычно случается в доме после появления ребенка, квартира на Петроградской совсем опустела. Елена досрочно заканчивала вечернюю школу, параллельно пошла работать в столовую при институте, где учился Алексей; вечерами сидела в библиотеке, активно готовясь поступать на вечернее отделение в институт пищевой промышленности. Решение не быть учителем английского языка пришлось не по вкусу матери и отчиму, но девчонка настояла на своем. Кто жил при социализме, тот знает: работник общественного питания в любом виде – заведомо богатый человек. Что касается Алексея, то помимо работы и учебы он вступил в коммунистическую партию и уже имел прочное положение в парткоме института. Теперь он был занят еще больше и приходил домой не раньше девяти вечера. К тому же как раз в апреле сорок восьмого года в его институт из Ташкента перевелась прекрасная девушка Тамара; под чутким руководством Алексея она получила хорошую комнату в общежитии, где проживала совершенно одна. Также Тамара познакомилась с самыми придирчивыми педагогами, которые согласились помочь ей догнать остальных студентов и успешно сдать сессию.

Все эти обстоятельства привели к тому, что Арина практически все время находилась дома одна. Пару раз в месяц забегала Анастасия Сергеевна; обычно она опаздывала к договоренному времени на час или два и оттого делала свой приход бесполезным – после семи вечера не работает ни женская консультация, ни молочная кухня. Арина не жаловалась и даже воспринимала все происходящее как должное; иногда по вечерам она бродила по опустевшей квартире из комнаты в комнату и думала о том, как же ей повезло. Спроси еще год назад, где она будет жить, никогда бы не подумала – огромная четырехкомнатная квартира на Петроградской стороне. Ее приятельницы из училища встречались с рабочими Путиловского завода или железнодорожниками с Московского вокзала; пределом мечтаний был непьющий мастер с комнатой в общежитии. Судьба сделала Арине невероятный подарок, такой подарок, о котором она даже не мечтала; и теперь надо приложить все силы, чтобы не упустить свалившееся на голову счастье.

Майские праздники прошли тревожно – Алеша почти все дни отсутствовал; он организовывал демонстрацию по случаю Дня Победы. Третьего числа пришел домой совсем поздно, изрядно подвыпивший; от рубашки сильно пахло каким-то необычным ароматом. После той ночи Арина решила – как бы ни хотелось спать, надо всегда ждать его, потому что ночная кукушка дневную запросто перекукует. Она мало что понимала в ночном куковании и свято верила, что сам процесс, какой был он ни был, в любом случае делает мужчину довольным. В часы размышлений о семейной жизни она вспоминала, как мать гоняла по двору пьяного отца, пришедшего домой гораздо позже дозволенного:

– Господи упаси, да что ж это?! У нее что – поперек, а у всех вдоль? Так нет, у всех вдоль, дурень эдакий! У всех!

Вспомнила, да так и не смогла до конца жизни сделать правильный вывод из этих воспоминаний.

Девятого мая Алексей с самого утра был на параде, он шел в головной колонне своего института и нес самый большой транспарант; в три часа дети были приглашены на обед к Анастасии Сергеевне. Праздновали шумно и весело, с большим количеством спиртного; параллельно хозяйка дома показывала Арине, как правильно накрывать на стол, а потом вынесла томик детских стихов и сказок, а потом еще несколько книг – стихи Есенина, Тютчева и, конечно, Пушкин.

– Молодые должны воспитывать новое поколение в культуре! Вот что важно! Ребенок с рождения должен уметь держаться за столом и знать наизусть чем больше, тем лучше! Как только подрастет, надо устраивать вечерние чтения после ужина, это для всей семьи полезно. Ариночка, вам необходимо заняться гардеробом, посоветую одну даму, шилась у нее еще до войны. Девочке надо давать хороший пример.

Арина ловила каждое слово, неустанно вспоминая о той странно пахнувшей рубашке, и каждое слово Анастасии Сергеевны успокаивало ее. Между строк она читала безусловную поддержку и принятие невестки такой, какая она есть. Предмет воспитания тем временем тихо посапывал в коляске; ее оставили в прихожей, подальше от громких разговоров. Одна из важнейших тем для беседы – карьера Алексея, в которой приняли живое участие все присутствующие. Чернышев предложил свою помощь в будущем распределении, но оказалось, место старшего лаборанта на кафедре ядерной физики уже забронировано для Осипова Алексея Вячеславовича; и все по той же партийной линии. Многие более талантливые однокурсники имели все шансы уехать если не на Камчатку, то уж в Екатеринбург во всяком случае.

Жизнь двигалась дальше, и как бы Анастасия ни высказывала своего расположения к невестке, Алексей продолжал жить так, как ему хотелось; со временем у Арины сформировалась привычка рассматривать и обнюхивать любую вещь, оставленную мужем в стирку. Особым успехом она считала осмотр мужских трусов; характерный вид остатков мужского семени и запах, который невозможно спутать ни с чем – вот что она обнаружила после очередного партийного заседания.

С сентября сорок восьмого года Алексею прибавили зарплату в лаборатории, и если учесть его повышенную стипендию, то получался немалый доход. Алексей завел привычку приглашать гостей; народ приходил разный – парочка кандидатов наук из его лаборатории вместе с женами, товарищ по парткому из института, знакомый ассистент с кафедры. После таких посиделок он частенько закрывался в кабинете отца до позднего вечера, что-то торопливо писал, а потом выходил из дому и отсутствовал в течение полутора часов. В это время Арина на скорую руку мыла посуду; после деревенского мытья на вилках и ножах часто оставались кусочки пищи, а в сушилке стояли тарелки, пахнувшие мылом. Во время бурных возлияний, когда бутылки с водкой уже наполовину пустели, Арина присаживалась за стол рядом с Алексеем; в подпитом состоянии муж всегда был весел, он прилюдно хватал ее за бока и громко смеялся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.